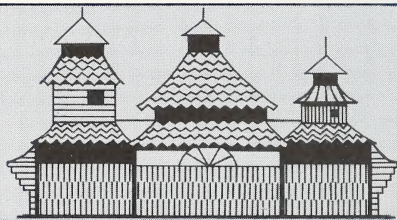

Религіозное движеніе въ XVI-мъ и началѣ XVII-го вѣка
въ Угорской Руси.

EX
LIB
RIS

PAUL R. MAGOCSI

727 page 24
ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

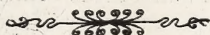
ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1915 г.

ТОМА XX-го КНИЖКА 1-я.

ПЕТРОГРАДЪ, 1915.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Петроградѣ; Н. П. Карбасникова въ Петроградѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; Н. Я. Оглоблина въ Петроградѣ и Кіевѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; Люзанъ и Комп. въ Лондонѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.

Религіозное движеніе въ XVI-мъ и началѣ XVII-го вѣка въ Угорской Руси.

«Szentírásból jönnek az eretnekek»
Мадьярская пословица ¹⁾.

Битва угровъ съ турками при Могачѣ въ 1526-омъ году, въ которой пали король Людовигъ II-ой, многіе магнаты и семь епископовъ, явилась роковымъ ударомъ для Угріи ²⁾.—Дворянство распалось на двѣ части и избрало двухъ королей: Іоанна Заполя и Фердинанда Габсбурга. Въ то время когда два короля вели между собой борьбу изъ-за власти, турки двинулись въ глубь Угріи и взяли (въ 1541 г.) Буду, главный городъ страны. Вслѣдъ за этимъ была занята ими значительная часть страны. Затѣмъ окончательно отдѣлился отъ Угріи Семиградъ (въ 1570 г.), избравъ себѣ своего національнаго князя. Католическая церковь, которая уже до того стала сильно терять свое прежнее общественное вліяніе, послѣ Могаческой битвы пришла въ окончательный упадокъ ³⁾.

Но судьба не бываетъ совершенно немилосердной.—Она въ моменты наибольшихъ горестей часто приноситъ людямъ утѣшеніе. Угріи она при-

---

1) «Отъ священнаго Писанія происходятъ и еретики».

2) A. Huber, «Geschichte Oesterreichs, Bd. IV. SS. 3—104. — Fessler; «Geschichte v. Ungarn», Bd. III. SS. 366—376.—E. Csuday, «Geschichte der Ungarn» Bd. II.—Katona und Czinyei, «Geschichte der ungarisch. Litt», SS. 23—25.

3) Письма Климента VII къ F. Frangepan'у, у Timon'a, Epitome ad ann. 1528, и у Schmith'a, Episcopi Agriens., II. 309.

несла реформаціонное движеніе, которое, какъ бы за все бѣдствія такъ сразу легшія на страну, дало ей культурное обновленіе, принесло ей національное самосознаніе. Это національное самосознаніе осталось съ тѣхъ поръ тамъ навсегда важной силой для сохраненія самой мадьярской народности. Реформаціонное движеніе дало Угріи мадьярскую церковь, новоорганизованную школьную систему, типографскій станокъ. Это движеніе создало громаднѣйшую полемическую литературу на латинскомъ и мадьярскомъ языкахъ, которая дала міру такіа замѣчательныя произведенія, какъ—«De Christo et ejus ecclesia, item de Antichristo ejusque ecclesia»,—принадлежавшее перу Эмериха Озорая¹⁾, и «Isteni Igazsága vezérlő kalauz» (Путь къ божественной правдѣ), написанное Петромъ Пазманомъ²⁾. Одновременно съ этимъ начинается яркое развитіе изящной мадьярской литературы. — Достаточно вспомнить хотя бы имя Валентина Балашши³⁾, пѣсни и религіозныя стихотворенія котораго до начала XIX-го вѣка выдержали около сорока изданій и до сихъ поръ читаются съ большимъ интересомъ. Особенно большую роль въ развитіи національнаго мадьярскаго самосознанія сыграли въ то время странствующие поэты, такъ называемые «lantosok»⁴⁾. Извѣстнѣйшій изъ этихъ «lantosok'овъ», запечатлѣвшій въ исторіи свое имя, былъ Севастіанъ Тиноди⁵⁾, названный народомъ—«hegedösök» (скрипачъ). Пѣсни его были напечатаны въ 1554-омъ году подъ названіемъ—«Хроника». Въ своихъ пѣсняхъ, полныхъ любви къ родинѣ и религіознаго настроенія, Тиноди и его товарищи воспѣвали геройскія битвы, осады крѣпостей и другія замѣчательныя событія того времени, чѣмъ вызывали въ своихъ соотечественникахъ то необходимое чувство патріотизма, въ которомъ особенно нуждалась тогда разоренная Угрія. Отъ этого общаго полета національнаго духа Угріи не отсталъ и мадьярскій народъ;—нѣкоторые мадьярскіе ученые

1) Katona und Czinyei > «Geschichte der ungarischen Litteratur», S. 24.—Kont, I., «Geschichte der ungarischen Litteratur», S. 21.

2) Frankl, «Pázmány Péter és kora», I, 131.

3) Kont, I., «Geschichte der ungarischen Litteratur», S. 24—26.

4) Katona und Czinyei, «Geschichte der ungarischen Litteratur», S. 27.

5) Kont, I., «Geschichte d. ungarischen Litteratur», S. 26.—Katona u. Czinyei, «Geschichte d. ung. Litter.» S. 27.

отмѣчаютъ, что этотъ періодъ исторіи Угріи (XVI в.) отличается также замѣчательнымъ развитіемъ и народной мадьярской пѣсни ¹⁾).

Сыгравъ такую громадную культурную роль въ Угріи вызовомъ всѣхъ живыхъ національных силъ страны къ дѣятельности, религія реформаторовъ естественно стала теперь сама во главѣ національной жизни мадьяръ, претворившись въ національную религію, — «Magyar hit» (мадьярскую вѣру) ²⁾. Это обстоятельство дало ей возможность съ замѣчательной легкостью и быстротой восторжествовать надъ своимъ противникомъ католицизмомъ, мѣсто котораго она теперь заняла. Произошло то, что обыкновенно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда религія становится господствующей въ государствѣ. Религія реформаторовъ, евангелизмъ, естественно не пожелалъ ограничиваться только мадьярской частью Угріи, гдѣ онъ, принявъ національную мадьярскую окраску, былъ явленіемъ естественнымъ, а сталъ выливаться за этнографическіе предѣлы мадьярскаго элемента.

Прежде всего это религіозное движеніе, вылившись за предѣлы собственной Угріи, бросилось на католическія немадьярскія части Угріи, — на словаковъ, трансильванскихъ нѣмцевъ и вообще на католическій элементъ городовъ. Что же касается Угорской Руси, то оно и здѣсь распространяется съ такой же силой, хотя далеко не въ такихъ размѣрахъ какъ въ собственной Угріи. Начальный, первый шагъ въ дѣлѣ распространенія новой вѣры въ Угріи былъ сдѣланъ въ Угорской Руси. Еще въ 1522-омъ году въ городѣ Уйгелѣ, Земплинскаго комитата, появляется лютеранскій проповѣдникъ Михаилъ Сиклоши ³⁾, который на уйгельское общество своей горячей проповѣдью произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что многіе изъ горожанъ послѣдовали его ученію. Это былъ первый изъ городовъ Угріи, рѣшившійся принять въ свои стѣны новую вѣру ⁴⁾. Вслѣдъ за Сиклоши появляются въ Угорской Руси и другіе люте-

1) Katona und Czinyei, «Geschichte der ungarischen Litter» S. 25.

2) Kont, I., Geschichte der ungar. Litterat., S. 19.

3) Szirmay, A., «Notitia topographica, politica incl. comit. Zempl.», pag. 254.—Szirmay, A., «Notitia historica comitat. Zempleniensis», pag. 57.

4) Szirmay, «Notit. historica com. Zempl.», pag. 57—Szirmay, A., «Notit. topogr. c. Zempl.», pag. 251: «Anno 1522. Lutheri dogma in Hungaria primum Ujhelini disseminari coepit».

ранскіе проповѣдники. Но ихъ встрѣчаетъ уже здѣсь ранняя католическая реакція, которая уже въ успѣхѣ Сиклоши видѣла опасность для католицизма. Эта ранняя католическая реакція въ Угорской Руси выражается иной разъ въ очень жестокихъ мѣрахъ по отношенію къ лютеранамъ.—Такъ, Іоаннъ Фишеръ¹⁾, проповѣдывавшій въ городѣ Левочи, Спишскаго комитата, былъ изгнанъ въ 1529-мъ году оттуда. Желая продолжать свое дѣло, онъ отправился въ Рознаву, Гемерскаго комитата, но тамъ попалъ въ руки католика-магната Франца Бебека, по приказанію котораго былъ сброшенъ съ замковой скалы въ Краснигоркѣ и разбился на смерть. Проповѣдывавшій лютеранство послѣ Фишера въ Левочи же Георгій Левдишеръ²⁾ былъ изгнанъ его сенъоромъ священникомъ Мольнеромъ не только изъ Левочи, но и изъ другихъ мѣстъ Спишскаго комитата, гдѣ онъ старался продолжать свое дѣло,—изъ Любицы, Топорца, Кешмарка, которыя были во владѣніи Мольнера. Но это были первые шаги лютеранства, которые едва ли оставили послѣ себя большіе слѣды. Систематически же начинается распространяться лютеранство въ городахъ Угорской Руси только четвертью вѣка позже этихъ первыхъ попытокъ,—именно: въ 40-хъ годахъ XVI-го вѣка.

Когда въ собственной Угріи успѣхи реформаціоннаго движенія постепенно начинаютъ вызывать католическую реакцію, поддерживаемую правительствомъ (= королевскіе декреты 1527-го года)³⁾, движеніе это устремляется въ Верхнюю Угрію, или нашу Угорскую Русь, гдѣ находитъ себѣ благодатную почву въ ея городахъ и среди знатныхъ дворянскихъ фамилій. Это движеніе тамъ, особенно среди угрорусскихъ мадярскихъ помѣщиковъ, вскорѣ на столько укрѣпляется, что служить оплотомъ и для всего реформаціоннаго движенія Угріи. Успѣхъ реформаціоннаго движенія 40-хъ годовъ въ Угорской Руси связанъ съ именемъ Стефана Копача и отчасти съ именемъ Матвія Биро-Девая, который за свою религіозную ревность былъ прозванъ «Угорскимъ Люте-

1) Fessler, I.—A., «Geschichte von Ungarn», S. 636, in III Bde.

2) Ibidem, Bd. III, S. 636.

3) Huber, «Geschichte Oesterreichs», Bd. IV. S. 93 sqq.—Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. III, S. 639.

ромъ»¹⁾. Последний дѣйствовалъ только спорадически на Угорской Руси²⁾, въ западной ея части, преимущественно въ городахъ — Пряшевѣ, Кошицахъ и Уйгелѣ. Главнымъ же образомъ проповѣдническая работа Девае относится къ району собственной Угріи, гдѣ она пользовалась колоссальнымъ успѣхомъ³⁾. Въ Угорской Руси онъ особенно пользовался популярностью среди тамошняго духовенства, способствуя массовому переходу его изъ католичества въ лютеранство. Дѣятельность же Копача связана исключительно съ райономъ Угорской Руси. Стефанъ Копачъ⁴⁾ — свѣтлая, идейная личность, обладавшая громаднымъ организаторскимъ талантомъ. Около 1549-го года онъ былъ приглашенъ въ городъ Потокъ⁵⁾, Земплинскаго комитата, группой тамошнихъ неопитовъ-лютеранъ для служенія ихъ духовнымъ потребностямъ и для веденія основанной ими здѣсь школы⁶⁾. Но Копачъ не ограничивается здѣсь одной только ролью духовника и приходскаго учителя. Онъ врученную ему тривиальную школу вскорѣ преобразовываетъ въ школу высшаго типа⁷⁾, теологическій институтъ. Эта преобразованная имъ школа, сдѣлавшись известной далеко за предѣлами Угорской Руси, съ большимъ успѣхомъ стала сѣять здѣсь сѣмена новой вѣры, поставляя дѣлу лютеранства изъ своихъ воспитанниковъ необходимый контингентъ интеллигентскихъ лицъ. Умеръ Копачъ около 1562-го года, нареченный незадолго до смерти за свои заслуги сеніоромъ лютеранской Земплинской епархіи⁸⁾. Еще при жизни Копача возлѣ образованнаго имъ теологическаго института, получившаго видъ ученой коллегіи⁹⁾, стали ютиться лучшія тогда въ Верхней

1) Fessler, «Geschichte v. Ung.», Bd. III, S. 634. —

2) Ibidem, Bd. III, 634 sqq.

3) Ibidem, III, 635. — Kont. I, «Geschichte d. ungar. Litt.» (объ его литературныхъ успѣхахъ) S.S. 21—22.

4) Szirmay, «Notitia tomogr. polit. incl. com. Zempl.», pag. 211—212. — Eiusdem, «Notit. hist. c. Z.» pag. 58.

5) Мадьярское названіе города: Sáros Patak, или Patak.

6) Szirmay, «Notitia topogr. pal., incl. c. Z.», p. 211.

7) Ibidem, pag. 212. — Fessler, «Geschichte v. Ung.» Bd. III и IV: Schulen.

8) Szirmay, «Notit. topogr., p. incl. c. Z.», p. 212: «Obiit... Kopacsy circa annum 1562. qua senior Dioeceseos Zempléniensis»...

9) Ibidem, pag. 212: «...Schola Patakiensis antea trivialis, formam collegii induit».

Угріи богословскія силы лютеранъ, какъ напримѣръ: Іоаннъ Бальзараціусъ¹⁾, Андрей Батичъ²⁾, Василій-Фабрицій Сиксай³⁾, Францискъ Чегледи⁴⁾ и др. Между прочимъ, послѣдній, какъ довѣреннѣйшее лицо Копача, былъ назначенъ имъ себѣ въ помощники⁵⁾, такъ какъ Копачу въ концѣ его жизни, вслѣдствіе преклонности лѣтъ трудно было вести управленіе сильно разросшейся паствой. На Чегледи возложена была не только обязанность управлять школьнымъ дѣломъ, но и вести сеніоральныя обязанности⁶⁾. Умеръ Францискъ Чегледи около 1590-го года⁷⁾. Дѣятельность первыхъ лютеранъ Угорской Руси привела въ лоно евангелической церкви и вліятельнѣйшаго владѣльца Потока, Петра Перени⁸⁾, который сдѣлался большимъ послѣдователемъ евангелическаго исповѣданія. Онъ, между прочимъ, заявилъ на первыхъ же порахъ свою приверженность послѣднему тѣмъ, что воздвигъ для лютеранъ въ Потокѣ большой храмъ⁹⁾. Но особенныя заслуги въ дѣлѣ распространенія и поддержки лютеранства въ Потокѣ и во всемъ районѣ Угорской Руси принадлежать сыну Петра Перени, Гавріилу Перени¹⁰⁾, о дѣятельности котораго мы будемъ говорить ниже. Такимъ образомъ, это покровительство реформаторамъ могущественныхъ потоцкихъ владѣльцевъ, дѣятельность Копача и его богословской школы сдѣлали изъ Потока сильную ячейку для развивающагося реформаціоннаго движенія, которая въ продолженіе всего времени борьбы евангелизма съ католичествомъ играла крупнѣйшую роль.

---

1) Ibid., pag. 212.

2) Ibid. pag. 254.—Eiusdem, «Notitia historica c. Z.», pag. 57—58.—Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. III, S. 635.

3) Szirmay, «Notitia topogr. c. Z.», p. 212.—Eiusdem, «Notitia historica c. Z.», pag. 81.

4) Ibidem, pag. 212.

5) Szirmay, «Notit. topogr. c. Z.», p. 212.

6) Ibidem, p. 212.

7) Ibid., p. 212.

8) Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. III, S. 636: «Peter Perényi war einer der ersten Magnaten, welche sich zum evangelischen Glauben laut bekannten und die Sache desselben mächtig förderten».

9) Szirmay, «Notit. historica com. Z.», pag. 59.

10) Eiusdem, «Notit. topografica com. Z.», pag. 62 et 254.—Eiusdem, «Notit. hist. c. Z.» pag. 81 и слѣд.

Въ то время когда Потокъ, находясь почти въ центрѣ Угорской Руси, становился главнымъ опорнымъ пунктомъ реформаціоннаго движенія всей этой области, въ другихъ городахъ разныхъ частей ея дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ отдѣльныя проповѣдники. Изъ этихъ проповѣдниковъ особенно замѣчательны — Михаилъ Сантай¹⁾, дѣйствовавшій въ Кошицахъ, и Оома Густі²⁾, дѣйствовавшій въ Марамарошскомъ комитатѣ.

Дѣятельность этихъ проповѣдниковъ создала большое религіозное движеніе среди католиковъ Угорской Руси. Стали покидать католичество и принимать новое ученіе многія магнатскія фамиліи, жившія на Угорской Руси, — какъ то: Драгффи, Перени, Другетъ, Добо и др. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Стефанъ Гальжечи, Эмерихъ Азари и др. сами отпралялись и отпраляли своихъ дѣтей въ Германію, чтобы послушать тамъ проповѣдь новой вѣры изъ устъ самого Мартина Лютера и лучшихъ апостоловъ его ученія³⁾. Завязывалась самая оживленная переписка верхнеугорскихъ нобилей и мѣщанскихъ корпорацій съ Лютеромъ и Филиппомъ Меланктономъ по поводу разныхъ спорныхъ вопросовъ Церкви⁴⁾. Въ большинствѣ городовъ сами городскіе магистраты стояли во главѣ реформаціоннаго движенія, замѣняя католическое богослуженіе въ стѣнахъ своихъ городовъ лютеранскимъ, вызывая лютеранскихъ проповѣдниковъ и учителей въ основываемыя ими церкви и школы⁵⁾.

Вслѣдъ за принятіемъ евангелической религіи угрорусскими магнатами и горожанами, а также бѣлымъ католическимъ духовенствомъ, пошли и нѣкоторые прелаты католической церкви, жертвуя ей свой санъ и богатые доходы; — такъ, первымъ изъ нихъ еще въ 1534-мъ году принять лютеранство Спишскій пробстъ Франць Бачи⁶⁾, а въ слѣдую-

1) Fessler, «Geschichte v. Ungarn», III, S. 635.

2) Ibidem, III, S. 636.

3) Szirmai, «Notitia historica c. Z.» pag. 57.

4) Нашъ трудъ, «Обзоръ Угрорусской исторіографіи», въ «Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ», 1914 г., тома XIX-го кн. 1-я, стр. 303-я.

5) Fessler, «Geschichte von Ungarn» Bd. III, S. 637.

6) Ibidem, Bd. III, S. 637.

щемъ году послѣдовалъ его примѣру пробствъ Іоаннъ Хорватъ¹⁾ изъ Ломницы, Спишскаго округа, который до своего принятія лютеранства слылъ жестокииъ преслѣдованіемъ лютеранъ, etc.

Это евангелическое движеніе въ Угорской Руси во II-й половинѣ XVI-го вѣка было даже относительно сильнѣе, нежели въ собственной Угріи, которая находилась въ большей сферѣ католическаго вліянія габсбургскаго правительства, чѣмъ Угорская Русь. Оно тогда было тамъ настолько полнымъ и сознательнымъ, что тамъ впервые возникла мысль формально организовать. Эта формальная организація чувствовалась тѣмъ болѣе необходимой, что въ лютеранскомъ обществѣ Угорской Руси стали изрѣдка появляться всякіе сомнительные элементы въ дѣлахъ вѣры²⁾. Съ этой цѣлью въ 1546-омъ году въ г. Пряшевѣ, Шаришскаго комитата, состоялся соборъ изъ представителей пяти Западно-Угроско-русскихъ городовъ: Пряшева, Бардіева, Шаришскаго комитата, Сабинова, Шаришскаго комитата, Левочи, Спишскаго комитата, и Кошиць, Абауйскаго комитата³⁾. На этомъ соборѣ было постановлено, чтобы «тезисы христіанской вѣры, которые содержатся въ Аугсбургскомъ исповѣданіи, были преподаваемы въ томъ смыслѣ, порядкѣ и формѣ, какъ они тамъ (въ Аугсбургскомъ исповѣданіи) изложены»⁴⁾. Затѣмъ каждому брату (лютеранину) вмѣнялось соборомъ въ обязанность доносить безъ замедленія на того Архидіакону, кто проповѣдываетъ ученіе несогласное съ Аугсбургскимъ исповѣданіемъ⁵⁾. Въ этомъ постановленіи Пряшевскаго собора уже видна нетерпимость лютеранской Церкви къ пнако-думающимъ, которая вскорѣ стала выливаться и извнѣ, въ текущей жизни. Это вызвало встрѣчныя дѣйствія со стороны правительства (= постановленія рейхстага 1548-го года⁶⁾), которыя привели лютеранъ къ пересмотру постановленій Пряшевскаго собора. Эта задача по пересмотру постановленій, или программы Пряшевскаго собора была возложена на бардіев-

1) Ibid., Bd. III, S. 637.

2) Ibid., Bd. III, S. 640.

3) Ibid., Bd. III, S. 641.

4) Ibid., Bd. III, S. 641.

5) Ib., II, S. 641.

6) См. ниже.

скаго учителя Штекеля, который написал ее, руководствуясь Аугсбургскими постановленіями, въ болѣе мирномъ духѣ, раздѣливъ на двадцать параграфовъ¹⁾. Эта въ редакціи Штекеля исповѣдная программа была затѣмъ разсмотрѣна въ комиссіи, состоящей изъ 24-хъ лютеранскихъ священниковъ вышеназванныхъ пяти городовъ и ихъ окрестностей, послѣ чего была принята жителями этихъ пяти Западно-Угродунавскихъ городовъ и ихъ окрестностей, получивъ названіе Confessio Pentapolitana²⁾. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало еще два собора—въ 1550 г. въ Торні³⁾, Бережскаго комитата, и въ 1552-мъ г. въ Берегсгау⁴⁾, того же комитата, на которыхъ окончательно была завершена организація лютеранской Церкви и ея духовенства.

Въ результатъ такихъ успѣховъ евангелизма католичество Угорской Руси уже въ началѣ послѣдней четверти XVI-го вѣка совершенно почти истаяло⁵⁾. Тамъ находились тогда только евангелики, къ которымъ принадлежали дворяне и мѣщане, и *православные*, къ которымъ принадлежало русское крестьянство, русское духовенство и малое количество мѣщанъ.

Эти поразительные успѣхи евангелизма въ Угорской Руси и въ другихъ частяхъ Угрии привели въ ужасъ католическое ея духовенство. Оно рѣшило такъ или иначе бороться за самое свое существованіе. Поэтому, католическая партія Угрии рѣшила обратиться за помощью къ габсбургскому правительству, ибо оно одно только могло поддержать стремленія угорскихъ католиковъ. Императоръ Австріи и король Угрии Фердинандъ I-й, самъ искавшій случая приняться за искорененіе «еретичества», когда къ нему обратились угорскіе католики въ лицѣ епископа Николая Олага съ просьбой о помощи, охотно пошелъ имъ на встрѣчу. Онъ рѣшилъ дѣйствовать противъ «еретиковъ» законодательнымъ путемъ. Въ 1548-мъ году имъ былъ собранъ въ Пресбургѣ рейхстагъ⁵⁾, на кото-

---

1) Fessler, «Geschichte von Ungarn», III, S. 642.

2) Huber, A., «Geschichte Oesterreichs», Bd. III, 106.—Fessler, «Geschichte von Ungarn» Bd. III, S. 642.

3) Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. III, S. 642.

4) Ibidem, Bd. III, S. 642.

5) Ibidem, III, S. 641.

ромъ было постановлено возстановить въ Угріи религію въ ея старомъ видѣ,—т. е. признавать законнымъ только одно католическое исповѣданіе, а всякаго рода еретичество искоренять. Эти постановленія Пресбургскаго рейхстага привели въ большое волненіе реформаторовъ. Слословія страшно были возмущены, что ихъ считаютъ еретиками¹⁾. Правительство не разсчитывало на такое единодушное возмущеніе страны, само испугалось смѣлости своего замысла и притихло, выжидая случая, когда наступитъ моментъ раздѣлки съ реформаторами. Тѣмъ же временемъ императоръ и епископы рѣшили готовить свои силы путемъ нравственнаго поднятія духовенства, которое все никакъ не могло оправиться со времени Могачскаго пораженія.

Время раздѣлки съ реформаторами недолго заставило ждать императора и католиковъ. Оно наступило вслѣдствіе ослабленія реформатской партіи, произшедшаго отъ внутреннихъ неурядицъ въ евангелической церкви и отъ распаденія послѣдней на двѣ части,—лютеранскую и кальвинскую. Зловѣщіе симптомы для единства евангелической церкви въ Угріи носились въ воздухѣ еще до рейхстага 1548-го года;—такъ, еще въ началѣ 40-хъ годовъ въ Угорской Руси нѣкоторые лица изъ лютеранъ были заподозриваемы въ сочувствіи ученію Кальвина. Даже Биро-Девай не избѣгъ этого подозрѣнія и былъ обвиненъ пряшевскимъ духовенствомъ передъ Лютеромъ въ измѣнѣ лютеранству и сочувствіи кальвинизму²⁾. Окончательный расколъ евангелической церкви произошелъ въ 60-хъ годахъ XVI-го вѣка.

Впервые появляется въ Угріи протестантизмъ въ Дебреценѣ, когда тамъ въ 1554 году сталъ проповѣдывать ученіе Кальвина Мартинъ Кальманчай³⁾.—Одновременно съ проповѣдью первыхъ принциповъ кальвинизма Кальманчай принялся и за очень радикальное искорененіе католичества и лютеранства. Онъ сталъ выбрасывать изъ церквей изображенія святыхъ, которыя еще были терпимы лютеранами, удалялъ алтари и купели, раздавалъ квашеный хлѣбъ Евхаристіи и все старался

1) Ibid., III, 641.

2) Ibidem, III, S. 640.

3) Ibidem, III, S. 643.

убрать, что напоминало лютеранство и католичество. Это вызвало гоненіе противъ него со стороны лютеранъ въ лицѣ Георгія Батори, вѣлѣдствіе чего Кальманчай принужденъ былъ удалиться изъ Дебрецена. Но удалившись изъ Дебрецена и скитаясь въ разныхъ мѣстахъ Угріи, онъ не переставалъ проповѣдывать своей вѣры. Результаты его успѣшной проповѣди вскорѣ дали кальвинизму нѣкоторыхъ очень талантливыхъ проповѣдниковъ. Изъ нихъ особенно замѣчательнъ Петръ Меліусъ¹⁾ (1558—1580 г.г.), тоже дѣйствовавшій въ Дебреценѣ.

Талантливость и ревность кальвинистическихъ проповѣдниковъ дала богатые результаты. Кальвинизмъ сталъ очень быстро распространяться въ собственной Угріи, среди мадьяръ разныхъ классовъ, а также въ Семиградѣ и среди дворянъ Угорской Руси. Что же касается мѣщанства Угорской Руси, то оно (особенно въ западной части Угорской Руси), какъ нигдѣ въ Угріи, оставалось весьма вѣрнымъ лютеранскому ученію. Оно вскорѣ даже взяло на себя весь трудъ борьбы угорскаго лютеранства съ кальвинизмомъ и католичествомъ.

Всѣ стремленія воспрепятствовать этому успѣху кальвинизма были напрасны, всѣ попытки лютеранъ сговориться разбивались объ упрамство или, вѣрнѣе, искреннее убѣжденіе, съ которымъ каждая изъ этихъ двухъ евангелическихъ партій стояла на своемъ. Соборъ въ Шейсбургѣ—1-го августа 1559-го года²⁾, религиозные споры въ томъ же городѣ 10-го января 1560-го года³⁾, 6-го февраля 1561-го года⁴⁾ очень ясно показали различіе мнѣній этихъ двухъ евангелическихъ партій и ссорили спорящихъ все болѣе и болѣе.—Лютеране стояли на своихъ принципахъ Аугсбургскаго исповѣданія, кальвинисты же упорно держались своихъ положеній о предопредѣленіи и Евхаристіи. Когда же на соборѣ въ Тордѣ дня 18-го мая 1563-го года кальвинскіе проповѣдники во главѣ съ Меліусомъ приняли, предложенное проповѣдникомъ Безой, Женевское исповѣданіе вѣры, тогда совсѣмъ трудно стало говорить о какомъ-либо соглашеніи между лютеранами и кальвинистами⁵⁾.

1) Kont, I.,—«Geschichte der ungarischen Litteratur», S. 22.

2) Fessler, «Geschichte v. Ungarn», III, S. 645.

3) Ibid., III, 645.

4) Ibid., III, 645.

5) Ibid., III, 645.

Одновременно съ этимъ былъ сдѣланъ и открытый шагъ къ разрыву лютеранъ и кальвинистовъ.—Такъ какъ лютеранство въ Угріи сильнѣе всего было организовано въ Угорской Руси, то здѣсь нужно было ожидать особенно сильнаго столкновенія между лютеранами и кальвинистами. Такое столкновеніе тамъ вскорѣ наступило. Оно и привело къ открытому разрыву лютеранъ и кальвинистовъ.—Такой разрывъ начался еще за нѣсколько мѣсяцевъ до собора въ Тордѣ,—именно: на соборѣ верхнеугорскихъ евангеликовъ въ Тарчалѣ, Земплинскаго комитата.—Этотъ соборъ произошелъ въ 1562-омъ году подъ предѣлательствомъ проповѣдника Павла Тура. Собравшіеся на немъ проповѣдники начертали собственное исповѣданіе, приняли сверхъ того Женевскій катехизисъ и подписались подъ тѣмъ и другимъ¹⁾. Этотъ шагъ духовенства не одобрилъ упоминаемый нами выше Гавріиль Перени, надзупанъ Угочскаго и Абауйскаго комитатовъ. Онъ созвалъ духовенство подчиненныхъ ему комитатовъ на соборъ въ Уйгелъ и потребовалъ отъ него возвращенія къ Аугсбургскому исповѣданію²⁾. Присутствовавшіе на соборѣ принуждены были подписать предложенное Перени исповѣданіе,—однако, отказаться отъ своего кальвинистическаго принципа касательно Евхаристіи и предопредѣленія не пожелали³⁾. Получилось своеобразное исповѣданіе вѣры, которое было согласно съ Аугсбургскимъ исповѣданіемъ во всемъ за исключеніемъ вопроса объ Евхаристіи и предопредѣленіи. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Перени отправилъ въ Виттенбергъ и Лейпцигъ на свой счетъ посольство, которое испросило бы мнѣніе тамошнихъ теологовъ объ исповѣданіи вѣры Уйгельскаго собора⁴⁾. Но это исповѣданіе собраннаго Перени духовенства, какъ и слѣдовало ожидать, не было одобрено германскими теологами. Поэтому въ слѣдующемъ 1564-мъ году Перени въ Теребешѣ, Земплинскаго комитата, былъ устроенъ диспутъ между опытнымъ въ дѣлахъ споровъ лютеранскимъ бардіевскимъ священникомъ Михиломъ Радачинымъ и упоминаемымъ нами Павломъ Туромъ. Перени

1) Ibid., III, 646.

2) Ibidem, III, 646.

3) Ibid., III, 646.

4) Szirmay, «Notitia topogr. c. Z.» pag. 62 et 254.—Fessler, «Geschichte v. Ungarn», III, S. 646.

призналъ побѣдителемъ перваго, вслѣдствіе чего присутствовавшіе здѣсь проповѣдники должны были поклясться въ томъ, что останутся вѣрны Аугсбургскому исповѣданію вѣры и что не будутъ превратно его толковать¹⁾. Точно такую же клятву принужденъ былъ дать и Туръ²⁾. Эти дѣйствія Гаврііла Перени окончательно озлобляли другъ противъ друга двѣ евангелическія церкви³⁾. Туръ и другіе проповѣдники, принужденные отречься отъ кальвинизма, лишь только вернулись на свои мѣста, опять стали проповѣдывать свою вѣру, внося вмѣстѣ съ тѣмъ озлобленіе въ народъ противъ лютеранъ. Эта борьба между лютеранами и кальвинистами еще болѣе развивалась бы, если бы во время обѣ стороны не замѣтили опасности, надвигавшейся на нихъ со стороны оправившагося католичества.

Въ то время когда реформаторы другъ съ другомъ спорили, католическая Церковь стала опять на ноги и, улучшивъ минуту (когда умеръ въ 1562 г. могущественный покровитель реформаторовъ, палатинъ Оома Надаши), повела энергичную борьбу съ ослабѣвшимъ отъ внутреннихъ неурядецъ противникомъ. Во главѣ этой контрреформаціонной реакціи стали, конечно, правительство Габсбурговъ и Николай Олагъ, теперь примасъ Угріи. Послѣдній всю свою силу и могущественное вліяніе направилъ къ тому, чтобы раздѣлаться съ противникомъ и дать опять восторжествовать поправленному католичеству. Поэтому, онъ вызвалъ въ 1559-омъ году изъ Австріи іезуитовъ⁴⁾. Благодаря богатой матеріальной помощи императора Фердинанда I-го, они стали основывать въ разныхъ мѣстахъ Угріи свои школы, въ которыя съ разныхъ сторонъ Угріи стали набирать себѣ учениковъ. Часть же ихъ, переходя съ мѣста на мѣсто, принялась за непосредственное возвращеніе въ лоно римской Церкви отпавшихъ. Правительство дѣятельно имъ помогало⁵⁾. Католическая реакція приняла самыя широкіе размѣры и стала выливаться въ жесто-

---

1) Fessler, «Geschichte v. Ung.» III, 646.

2) Ibidem, III, 646.

3) Ibid., III, 646—647.

4) Kont, I., «Geschichte der ungarischen Litteratur», S. 23.—Fessler, «Geschichte v. Ungarn», III, S. 647.

5) Fessler, «Geschichte v. Ung.», Bd. III, S. 647.

кихъ мѣрахъ правительства¹⁾.—Очень часты были случаи, что агенты послѣдняго отнимали отъ реформатовъ церкви, разгоняли ихъ духовенство, конфисковали церковное имущество и имущество тѣхъ свѣтскихъ лицъ, которые были особенно приверженны евангелизму и были почему-либо не угодны правительству. Правительственно-католическая реакція затянулась въ Угріи на долгіе годы. Если правительство Вѣны со смертію императора Фердинанда I-го († 1564 г.) при толерантномъ императорѣ Максимилианѣ II-омъ († 1576 г.)²⁾ дѣйствовало слабѣе противъ «еретиковъ», то при фанатичномъ и узко-религіозномъ императорѣ Рудольфѣ³⁾ оно начало съ новой силой свою жестокую религіозную реакцію. Въ царствованіе Рудольфа на реформатовъ посыпались проскрипціи за проскрипціями.—Это имѣло свои большія послѣдствія, такъ какъ съ одной стороны нѣкоторые видные члены магнатскихъ фамилій, какъ, напримѣръ, епископъ наджупанъ Христофъ Турзо, стали отпадать отъ реформатской Церкви и превращаться въ добрыхъ слугъ католической Церкви и добрыхъ исполнителей воли правительства⁴⁾, съ другой стороны, этого рода обстоятельствами данъ былъ толчекъ къ болѣе прочной организаціи евангеликовъ. Организація эта началась съ того, что евангелики обоихъ исповѣданій путемъ приведенія въ порядокъ общей доктрины, путемъ предписаній относительно формы богослуженія и религіозныхъ обрядовъ, путемъ развитія принятой уже ими священнической организаціи старались сообщить большую устоячивость ихъ Церквямъ⁵⁾. Поэтому, по совѣту и при содѣйствіи церковныхъ патроновъ, знатныхъ дворянъ и городскихъ магистратовъ, духовенствомъ и учителями высшаго типа школъ устраивались въ разныхъ мѣстахъ страны частые синоды, на которыхъ принимались относительно этихъ предметовъ рѣшенія и

---

1) Ibidem, Bd. IV, S. 61 und folg.

2) Huber, «Geschichte Oesterreichs, Bd. IV: Die religiösen Verhältnisse der oesterreichischen Länder unter Maximilian II, SS. 226—279.—Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. III, SS. 588—617.—Csuday, «Geschichte der Ungarn», Bd. II.

3) Huber, «Geschichte Oesterreichs» Bd. IV, SS. 283 u. folg.—Fessler, «Geschichte v. Ung.»., Bd. IV, SS. 4. und folg.

4) Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. IV, SS. 62 u. folg.—Huber, «Geschichte Oesterreichs», Bd. V, S. 140.

5) Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. IV, S. 145.

избирались начальствующія церковныя должностныя лица, сеніоры и суперинтенденты ¹⁾. — Такъ готовились къ борьбѣ со своимъ общимъ противникомъ протестанты и лютеране. Последнихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Угріи въ то время было еще довольно много; — такъ, съ правой стороны Дуная насчитывалось около трехсотъ лютеранскихъ общинъ, на лѣвомъ берегу Дуная въ сторонѣ Новграда сверхъ четырехсотъ, а въ Западной части Угорской Руси, — въ Спишскомъ, Шаришскомъ, Абауйскомъ и Гемерскомъ комитатахъ болѣе двухсотъ ²⁾. Однако, не смотря на старанія протестантовъ и лютеранъ соединиться въ одно цѣлое, — это имъ такъ и не удалось ³⁾; эти ихъ попытки застыли на той степени сближенія, когда принимается только общая тактика борьбы съ противникомъ, а догматы на время остаются въ сторонѣ. Но и этого рода сближеніе лютеранъ съ протестантами было не вездѣ; оно имѣло мѣсто только тамъ, гдѣ чувствовался наибольшій гнетъ католической реакціи. Тамъ же, гдѣ сила императора и католической партіи мало или совсѣмъ ничего не значила, какъ, напримѣръ, въ восточной части Угорской Руси, протестанты продолжали свою борьбу съ лютеранами и пришли въ концѣ концовъ къ совершенному раздѣленію, причемъ протестанты стали вскорѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно побороть лютеранъ.

Вслѣдъ за этимъ соглашеніемъ и организаціей евангелическихъ Церквей явилась общественная реакція противъ правительства и дѣйствій католической партіи, которая стала выражаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ изгнаніи іезуитовъ и даже въ открытыхъ противодѣйствіяхъ распоряженіямъ правительства, какъ, напримѣръ, въ Левочи ⁴⁾, гдѣ граждане вооруженно защищали насильственно отнимаемую у нихъ правительственными агентами церковь. Подобныя дѣйствія габсбургскаго правительства и угорскихъ католиковъ привели вскорѣ къ всеобщему откры-

1) Ibidem, Bd. IV, S. 145.

2) Ibidem, Bd. IV, S. 145: «...vom rechten Donauufer abwärts 300, vom linken bis Neograd über 400, in Zips, Saros, Abauj und Gömör mehr als 200 Gemeinden augsbургischen Bekenntnisses (находились), die.... in Seniorate und Superintendenzen eingetheilt waren....».

3) Ibidem, IV, S. 145.

4) Ibidem, Bd. IV, SS. 62 und folg.

тому возмущенію въ Угріи, выливавшемуся въ открытое возстаніе противъ католической реакціи и Австрійскаго господства, во главѣ котораго сталъ Стефанъ Бочкай¹⁾. Это возстаніе Бочкай, длившееся два года, привело, наконецъ, къ соглашенію императора Рудольфа съ Бочкаемъ и сословіями, окончившемуся Вѣнскимъ миромъ (23-го іюня, 1606-го года), по которому угорскіе протестанты и лютеране получили гражданскую и религіозную свободу²⁾.

Теперь возникаетъ вопросъ, насколько *православный русскій народъ* Верхней Угріи былъ захваченъ этимъ религіознымъ движеніемъ, которое происходило на его почвѣ и въ непосредственномъ съ нимъ содѣйствіи;—какъ православные Угорской Руси отзывались на животрепещущіе вопросы того времени!—Движеніе реформациі въ городахъ Угорской Руси, какъ мы видѣли, было очень сильнымъ;—въ немъ, конечно, могли принимать участіе и отдѣльныя личности изъ русскаго православнаго мѣщанства, которое оставалось до этого еще вѣрнымъ своей религіи и народности. Что же касается такого движенія среди русскаго населенія селъ, то объ этомъ трудно сказать что-либо опредѣленное. Можно думать только, что это движеніе могло захватить и нѣкоторыя русскія, православныя села Угорской Руси. Но такихъ селъ было немного. Такъ, изъ позднѣйшихъ данныхъ мы знаемъ, что село Завадка³⁾, Спишскаго округа, было сначала православнымъ, затѣмъ лютеранскимъ, а съ 1674-го года опять православнымъ; село Порча⁴⁾, того же округа, въ моментъ канонической визитаціи де-Камелисомъ (въ 1701-омъ году) приходовъ, содержало въ себѣ много лютеранъ, между тѣмъ когда то оно было все православнымъ. Вышеуказанное большое количество (свыше 200) лютеранскихъ общинъ въ Спишскомъ, Шаришскомъ, Абауйскомъ и Гемерекомъ комитатахъ также даетъ возможность предполагать, что едва ли эти общины могли состоять изъ однихъ только покинувшихъ католичество

1) Huber, «Geschichte Oesterreichs», Bd. IV, Viertes Kapitel.—Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. IV, SS. 61—83.

2) Fessler, «Gesch. v. Ungarn», Bd. IV, S. 77.—Huber, «Geschichte Oesterreichs», Bd. IV, S. 467.

3) Дулишковичъ, «Историч. черты У.—Р.», кн. III, стр. 23-я.

4) Ibidem, кн. III, стр. 24.

мадьяръ и словаковъ, вѣроятно, въ числѣ ихъ были и русскія покинувшія православіе общины¹⁾. Но подобные случаи перехода православныхъ въ евангелизмъ имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, вѣроятно, на западѣ Угорской Руси, гдѣ могло сказаться вѣковое вліяніе римской церкви. На востокѣ Угорской Руси мы подобныхъ случаевъ не встрѣчаемъ, хотя при той распространенности въ Угріи правила—*Suius regio—eius religio*, это могло встрѣчаться (хоть и очень рѣдко) въ разныхъ мѣстахъ Угорской Руси. Мѣняли въ подобныхъ случаяхъ православную религію на лютеранскую не изъ убѣжденія, а по принужденію помѣщика. Что вообще могли быть извѣстны тогда случаи перехода православныхъ угоруссовъ въ евангелизмъ, можетъ свидѣтельствовать и тотъ фактъ, что примасъ угорской Церкви, Эстергонскій архіепископъ, Георгій Липпай, объясняетъ необходимость утвержденія Ротошинскаго въ санѣ епископа «опасеніемъ перехода въ кальвинизмъ русскаго народа»²⁾. Это «опасеніе» въ данномъ случаѣ явилось, конечно, только средствомъ для скорѣйшаго утвержденія папой Ротошинскаго въ его должности, на дѣлѣ же подобнаго опасенія не существовало.

Эта крайне слабая распространяемость евангелизма среди православныхъ Угорской Руси объясняется прежде всего самой психологіей реформаціоннаго движенія.—Это движеніе Угріи, подобно такому же движенію Германіи, было вызвано неустройствомъ католической Церкви и было создано тѣми членами католической Церкви, которые, такъ сказать, протестовали противъ злоупотребленій послѣдней и требовали переустройства ея. Это движеніе реформаторовъ, какъ и всякое другое, естественно желало своего полнаго торжества. Полное же торжество реформатства, которое получало свою силу на счетъ католичества и могло получить юридическую санкцію только въ ущербъ послѣднему, мыслимо

---

1) По официальнымъ даннымъ (*Conscriptiones dicales* и др.) Государственнаго Архива въ Будапештѣ (*Kiraly Orszagos Levertar*) намъ удалось выяснитъ, что верхнеугорскій комитатъ въ то время (въ половинѣ XVI-го в.) заключалъ въ себѣ приблизительно отъ 100 до 150 сельскихъ и городскихъ общинъ. Если предположить, что такая административно-сельская или, — городская община соотвѣтствовала церковной общинѣ, то получится, что въ названныхъ 4-хъ комитатахъ лютеранъ было около половины всего населенія.

2) *Lucskay, «Historia Carpatho-Ruthenorum», t. II, c. 70, pag. 266 et seqq.*

было только при полномъ низверженіи и уничтоженіи католичества. Такимъ образомъ, само собою понятно, что борьба между католичествомъ и евангелизмомъ должна была вестись не на жизнь, а на смерть. Вотъ почему реформація, придя въ Угрію и найдя здѣсь некатолическое исповѣданіе, не заботится о приведеніи членовъ этого исповѣданія подъ стѣнь своей Церкви, а сосредоточивается всецѣло на борьбѣ со своимъ противникомъ, католичествомъ. Эта психологія реформаціоннаго движенія тѣмъ болѣе понятна, что въ сущности все это движеніе исходило въ самомъ начальномъ своемъ зародышѣ изъ одной только психологической точки: возмущенія противъ дѣйствій римской теократіи. А гдѣ этотъ принципъ римской теократіи не имѣлъ мѣста, какъ, напр., въ православной Церкви, тамъ въ сущности непонятно было и само реформаціонное движеніе, тамъ въ сущности не могло оно имѣть мѣста¹⁾.

Этого рода нестремленіемъ къ распространенію евангелизма среди некатолической людности были надѣлены, конечно, и реформаты Угорской Руси. Но, помимо этого, препятствіемъ къ распространенію евангелизма среди православныхъ угроруссовъ служило то обстоятельство, что угорскій евангелизмъ былъ насквозь мадьярскимъ, недоступнымъ по языку и вообще культурѣ русскому крестьянству Угріи и его духовенству, которое стояло на очень низкой ступени развитія. Главнымъ же препятствіемъ къ распространенію евангелизма среди православныхъ Угорской Руси служило классовое положеніе послѣднихъ, вслѣдствіе котораго угрорусскіе евангелисты относились къ угрорусскимъ православнымъ не только съ игнорацией, но и съ презрѣніемъ.

Достаточно взглянуть на тѣ общественныя отношенія, которыя царили въ то время въ Угорской Руси, чтобы замѣтить это. — Магнатскій и вообще дворянскій классъ Угорской Руси въ концѣ XVI-го вѣка²⁾ почти весь былъ протестантскимъ, городской классъ былъ, главнымъ образомъ, лютеранскимъ, крестьяне же исповѣдывали православную вѣру. Это дѣ-

---

1) Борьба кальвинизма съ лютеранствомъ — это то же продолженіе борьбы евангелизма съ католичествомъ: вѣрнѣе, — борьбы радикальнаго движенія реформаторовъ съ тѣмъ католичествомъ, которое осталось еще въ лютеранствѣ и которое представители болѣе радикальнаго движенія (протестанты) окончательно хотѣли искоренить.

2) Угрорусское дворянство было почти все *мадьярскимъ*.

леніе придавало и самимъ религіознымъ отношеніямъ Угорской Руси сословный характеръ. Если же мы вспомнимъ, что крестьянство въ то время было въ полной рабской зависимости отъ дворянскаго класса, то мы поймемъ, въ какое положеніе попала въ Угорской Руси православная Церковь и въ какомъ отношеніи она находилась къ евангелической Церкви.

Помѣщикъ—протестантъ и крестьянинъ—православный составляли страшный контрастъ въ правовомъ отношеніи. — Въ то время когда магнать, владѣвшій громаднѣйшими пространствами земли, пользовался всеми правами, какія только могъ дать ему кодексъ угорскаго права, имѣвшій въ виду, главнымъ образомъ, его благосостояніе; въ то время когда дворянинъ пользовался къ тому же обширнѣйшимъ политическимъ вліяніемъ на сеймахъ, комитатскихъ собраніяхъ и среди комитатской аристократіи, — крестьянинъ — православный былъ рабомъ того самого помѣщика-протестанта. Крестьянинъ съ точки зрѣнія помѣщика была вещь, которую можно было продать, заложить и сдѣлать съ нимъ все, что могло содержаться въ разнузданной прихоти помѣщика. Какъ вещь, какъ необходимая часть хозяйственнаго инвентаря помѣщика, крестьянинъ не могъ владѣть какими-либо правами, которыя защищали бы его отъ произвола его владѣльца. — Въ совершенно такомъ же почти положеніи, какъ и крестьянство, находилось и православное духовенство Угорской Руси. Оно было совершенно приравнено къ крестьянамъ какъ въ общественномъ, такъ и экономическомъ положеніи, и даже образомъ жизни и внѣшнимъ видомъ не отличалось отъ своихъ прихожанъ¹⁾. Такъ какъ церкви вообще не были обезпечены земельными надѣлами, то духовенство жило или на собственныхъ земляхъ, такъ или иначе пріобрѣтенныхъ, или на помѣщичьихъ, обложенныхъ податями земляхъ, частью же прямо принадлежало къ сословію крѣпостныхъ. Но какимъ бы разрядомъ земель оно ни владѣло, оно наравнѣ съ крестьянами облагалось произвольными поборами, подвергалось тѣлеснымъ наказаніямъ, тюремному заключенію. Дѣти его обращались въ рабство и могли продаваться²⁾.

1) Петровъ, А. Л., «Матеріалы для исторіи Угорской Руси», кн. II.

2) Ibidem, кн. II.

Сыновья духовныхъ лицъ, желая получить часть наслѣдственной земли, желая сохранить возвышающій до нѣкоторой степени ихъ надъ крестьянами санъ, женились, принимали священство. Такимъ образомъ, количество пастырей было очень неравномѣрно распредѣлено по приходамъ, и весьма часто при одной церкви состояло по нѣсколько священниковъ¹⁾, обремененныхъ къ тому же семьями. Не имѣя опредѣленныхъ сборовъ съ населенія, они жили земледѣльческимъ трудомъ и доходомъ за требы, весьма низкимъ, влѣдствіе большой конкуренціи. Незнаніе ими элементарныхъ каноническихъ правилъ было крайне велико, — такъ почти въ обычаѣ было, что священники женились по второму и по третьему разу²⁾, раздавали на домъ содержимое Причастія³⁾ etc.

Это социальное положеніе православныхъ и ихъ невѣжество, конечно, сильнѣйшимъ образомъ отражалось и на религіозныхъ отношеніяхъ ихъ къ протестантамъ. — Ставя ни во что крестьянина, какъ моральную силу, привыкли считать его издревле, какъ «*obscurum genus hominum*», помѣщикъ-протестантъ и къ православной религіи его относился также презрительно, считая ее пригодной только для рабовъ. Отсюда ясно, почему реформація не имѣла мѣста среди русскаго православнаго крестьянства и духовенства Угорской Руси. — Съ одной стороны, помѣщикъ считалъ униженіемъ для себя, чтобы его религію исповѣдовалъ и его крѣпостной, съ другой же стороны, и самъ крѣпостной, встрѣчаясь съ «Мадьярской вѣрой», евангелической религіей, сторонился ея, считая ее «панескою вирую». Встрѣчаясь же съ фактомъ борьбы «Мадьярской вѣры» съ «Нѣмецкой вѣрой» (католичествомъ)⁴⁾, русскій православный народъ инстинктивно чувствовалъ, что въ этой борьбѣ за религіозной стороной дѣла скрывается много другихъ сторонъ, ничего общаго не имѣющихъ съ религіей, могъ сознать, что параллельно съ религіозной борьбой «нѣмцы» (австрійское правительство) сводятъ политическіе счеты съ «панами» (мадярами), радовался побѣдамъ первыхъ въ этой борьбѣ

1) Bidermann, «Die ungarischen Ruthenen», 2-er Th., S. 68.

2) Дулишковичъ, «Историч. черты Угро-Русс.» кн. III, стр. 4, 21, 23.

3) Ibidem, кн. III, стр. 21 и др.

4) Huber, «Geschichte Oesterreichs», Bd. IV, S. 106: «...Der «ungarische Glaube» stellte sich dem «deutschen Glauben» gegenüber...».

и ненавидѣлъ вторыхъ, какъ своихъ угнетателей, — свою же вѣру православную, «Руську виру», любилъ, какъ единственное свое святое достояніе, и упорно хранилъ ее по завѣту отцовъ своихъ.

У кого же было искать совѣта и помощи бѣдному православному народу и духовенству? Кто могъ быть его ходатаемъ и защитникомъ его Церкви отъ всякихъ неожиданностей времени? — Естественнѣ всего было бы эту опеку надъ угрорусской православной Церковью полагать на единственнаго ея высшаго представителя — Мукачевскаго епископа, который жилъ и дѣйствовалъ въ Угорской Руси. Но, увы! — и Мукачевскій епископъ находился въ то время въ такомъ же почти униженномъ положеніи, какъ и его паства.

Въ очень небольшомъ количествѣ дошедшихъ до насъ грамотъ, начиная съ 1554-го года, которыя касаются Мукачевскаго епископата, мы только и видимъ жалобы угрорусскихъ епископовъ на причиняемыя имъ и ихъ православной паствѣ обиды. Изъ этихъ жалобъ мы узнаемъ, что помѣщичьи гайдуки да и сами помѣщики часто любили потѣшиться своими наѣздами на имѣнія Мукачевскаго епископа, — врывались въ усадьбы, принадлежавшія епископу, грабили его имущество и вообще всячески нарушали принадлежащее ему право владѣнія разными его бенефиціями¹⁾. Своеволіе необузданнаго дворянства надъ беззащитнымъ Мукачевскимъ владыкой доходило до того, что епископу опасно даже было выѣхать изъ своей резиденціи на каноническую визитацію его приходовъ безъ особой, выданной по этому поводу, покровительственной грамоты какого-либо виднѣйшаго административнаго лица²⁾. Но эти покровительственныя грамоты, очевидно, весьма мало помогали дѣлу, такъ какъ Мукачевскіе епископы все продолжали жаловаться на чинимыя имъ во время ихъ визитацій непріятности. На основаніи незаконнаго толкованія права патроната помѣщики вмѣшивались въ самую компетенцію епископа и нарушали его право юрисдикціи надъ его паствою: такъ, многіе помѣщики не только не допускали епископа визитировать церкви, нахо-

1) Lucskay, «Historia Carpato-Ruthenorum» Т. II. — Bazilovits, — «Brevis notitia Foundationis...» Т. I, Р. I, pag. 46—47.

2) Bazilovits, «Brevis notitia Fund...» Т. I, pag. 34—35, 42—43, 54—56.

дящихся въ ихъ владѣнiяхъ, но даже присваивали себѣ право расторгать браки между православными, часто злоупотребляя этимъ незаконно отнятымъ у епископа правомъ. Противъ этого послѣдняго нарушенiя помѣщиками епископской юрисдикціи грамотой отъ 5-го марта 1552-го года протестовалъ императоръ Фердинандъ¹⁾, но едва-ли въ то время какое-либо значеніе могъ имѣть этотъ протестъ. Какъ видно изъ грамоты королевы Изабеллы отъ 1558-го года²⁾ Мукачевскій епископъ не пользовался даже освобожденіемъ отъ общественныхъ повинностей и чрезвычайныхъ податей, и только эта грамота Изабеллы освобождаетъ его отъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ, въ то время и Мукачевскій епископатъ фактически находился точно также внѣ закона, какъ и каждый членъ его паствы,—надъ нимъ могли продѣлываться всякаго рода насилія и эти насилія оставались совершенно безнаказанными. Искать защиты отъ этихъ насилій епископъ могъ только у императора. Но императоръ, не смотря на всѣ старанія свои придти на помощь Мукачевскому епископу, не въ силахъ былъ этого сдѣлать. Главнымъ препятствіемъ для этого было то, что Мукачевъ и вся Восточная Угорская Русь находились въ то время, какъ мы видѣли выше, внѣ вліянія императора. Тамъ самодержавно господствовало реформатское магнатство во главѣ съ сильнѣйшими ихъ представителями. Поэтому, жалобы Мукачевскаго епископа императору на притѣсненія его помѣщиками не только не приводятъ къ благопріятному результату, а, наоборотъ, дѣлаютъ Мукачевскаго епископа въ лицѣ мадьярской аристократіи человѣкомъ неблагонадежнымъ, осмѣлившимся войти въ сношенія съ ея политическимъ и религіознымъ врагомъ. Этимъ взглядомъ мадьярской аристократіи на православнаго епископа, какъ на человѣка вражескаго лагеря и — къ тому же еще — представителя «*obscuri generis hominum*», и объясняются всѣ насилія надъ нимъ могущественныхъ помѣщиковъ-протестантовъ.—Такое отношеніе къ епископу дворянства и ихъ служащихъ, униженное его положеніе вносили деморализацію въ его паству,—такъ, нерѣдко бывало, что пасомые отказывали

1) Ibidem, P. I, pag. 28—30.

2) Ibidem, P. I, pag. 30—32.—Дулишковичъ, «Ист. ч. У. Р.», кн. II, 74.

епископу въ должномъ уваженіи¹⁾, не выплачивали полагающейся епископу матеріальной повинности²⁾ и проч.

Эти насилія магнатовъ надъ беззащитнымъ епископомъ и его духовенствомъ иной разъ вызывали немалыя сочувствія со стороны нѣкоторыхъ императоровъ. Особенно искреннее сочувствіе угрорусская православная паства встрѣчала со стороны императора Максимилиана II-го. Императоръ Максимилианъ II-ой (1564—1576 гг.), какъ человѣкъ просвѣщенный и человѣколюбивый³⁾, не могъ не обратить вниманія на печальное положеніе своихъ подданныхъ угорскихъ русскихъ. Тѣмъ болѣе, что онъ, какъ было замѣчено выше, въ отношеніи къ инославнымъ исповѣданіямъ не придерживался вообще какихъ-либо особенныхъ ортодоксально-католическихъ правилъ. Онъ самъ только вѣнше былъ католикомъ,—внутренне же былъ глубоковѣрующимъ христіаниномъ, но безъ опредѣленной конфессіи. Такъ, когда въ послѣдніе дни его жизни сестра его Анна, герцогиня Баварская, спросила не хочетъ ли онъ исповѣдываться, императоръ отказался, отвѣтивъ: «Небесному Іерею далъ я уже мою исповѣдь!»⁴⁾—Поэтому, когда къ нему обращались угорскіе православные съ жалобами на притѣсненія, онъ долженъ былъ глубоко возмущаться, ибо причиняли эти притѣсненія православнымъ не кто иной, какъ сами же угнетаемые религіозно протестанты. Это благородное возмущеніе Максимилиана выражалось въ энергичныхъ протестахъ противъ насилій надъ православнымъ епископомъ и духовенствомъ.—Въ грамотѣ отъ 1569-го года 13-го октября⁵⁾, адресованной на имя «Fidelium nostrorum universorum et singulorum»,—въ чемъ очень легко разгадать угрорусскихъ помѣщиковъ и ихъ служащихъ, императоръ Максимилианъ прямо обвиняетъ ихъ въ этихъ насиліяхъ, говоря имъ, что «plerique ex Vobis, qui praefatum Episcopum, suosque Vice Gerentes in visitatione

1) Bazilovits, «Brevis notitia Fund.», pars I, pag. 25—26.

2) Ibidem, pars I, pag. I, 25—26.

3) Huber, «Geschichte Oesterreichs», Bd. IV. SS. 226, und 248—249.—Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. III, S. 617.—Csuday, E., «Geschichte d. Ungarn», Bd. II: D. Regier. Max. II.

4) Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. III, S. 617.

5) Bazilovits, «Brevis notitia Fund...» P. I, pag. 34.

suorum Plebanorum Ruthenorum in Vestris bonis commorantium Ordinaria, et Consueta turbarent, atque retardarent...». Въ другой же своей грамотѣ, изданной въ томъ же году¹⁾, но адресованной уже къ опредѣленнымъ лицамъ, именно: къ префекту Франциску Баю, провизору Іоанну Сентъ-Бенедеки и другимъ официаламъ Мукачевскаго замка, Максимиліанъ прямо обращается къ нимъ и критикуетъ ихъ беззавѣстные по отношенію къ православному угрорусскому епископу и его духовенству дѣйствія. — «Vos, говорить имъ императоръ Максимиліанъ, Episcopum praenominatum, suosque Vice Gerentes in visitatione Plebanorum Ordinaria impediretis et retardaretis. Imo Cathedriticum, ac alios Proventus eorum, pro vobismet Usurpantes exigere eisdem non permetteretis; quin etiam ipsam Iurisdictionem, quae ad Episcopum ipsum pertineret: Contra Ius vobis ipsis usurparetis, Disciplinam Episcopalem in eos exerceretis. Praeterea ad solutionem Dicae, aliorumque Tributorum Presbiteros, ipsis subiacentes urgeretis, et ad quaeque rusticalia servilia compelleretis In nullis denique eos libertatibus, imo neque Sacerdotii, neque Dignitatis eorundem habito respectu conservaretis, sed potius Carceres, Verbera, et cruciatus eisdem, nisi vestrae voluntati morem gerant, certo minaremini!..». Онъ настойчиво требуетъ отъ нихъ оставить все эти ихъ «summa iniuria», жить въ мирѣ съ епископомъ, не тревожить напрасными насиліями его паствы и идти въ руку епископу при его визитаціяхъ приходоѡ и вообще исполненіи имъ пастырскихъ обязанностей. — Какое вліяніе эти протесты императора Максимиліана имѣли на притѣснителей угрорусскихъ православныхъ мы въ источникахъ не находимъ, но можно думать, что послѣ этого угрорусскіе православные, по крайней мѣрѣ, епископъ, до конца дней императора могли покойнѣе себя чувствовать. — Это объясняется какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Мукачевъ, гдѣ была резиденція епископа, находился въ тотъ моментъ въ сферѣ большихъ непосредственныхъ вліяній императора²⁾,

1) Ibidem, P. I, pag. 36.

2) Nicol. Istvanffi. «Pannonii Histor.» LXXII, p. 278: «Pacis conditiones inter Caesarem et Ioannem Sigismundum. Ioannes Sigismundus Transilvaniam, perpetuo firmæ possessionis jure obtineret.—Regione Bahariana et Varadino, donec viveret

такъ и тѣмъ общимъ значеніемъ Максимилиана, которымъ онъ пользовался въ Угріи, благодаря своей религіозной толерантности и вообще благородству характера. Его значеніе въ дѣлѣ свободы совѣсти его подданныхъ особенно выпукло стало вырисовываться послѣ смерти императора Максимилиана, когда на угорскій престолъ вступилъ сынъ его Рудольфъ.

Императоръ Рудольфъ (1576—1608 гг.), проживъ съ двѣнадцатью до девятнадцати лѣтъ своего возраста при дворѣ испанскаго короля Филиппа II-го, его дяди по матери, Маріи Испанской, былъ воспитанъ въ фанатическомъ духѣ католичества¹⁾. Вступивъ на престолъ, онъ сразу же, какъ мы видѣли выше, началъ проявлять свою нетерпимость къ иновѣрцамъ Угріи. Для него въ сущности одинаково ненавистны были какъ схизматики, такъ и еретики,—какъ православные, такъ и реформаторы. Однако, въ то время когда послѣднихъ онъ преслѣдовалъ не только какъ религіозныхъ, но и какъ политическихъ своихъ враговъ,—первыхъ онъ терпѣлъ, воздерживался отъ притѣсненій ихъ, считаясь съ ними какъ съ элементомъ враждебнымъ протестантамъ. Надѣяться теперь на помощь императора православнымъ угроруссамъ трудно было. Они оставались совершенно беззащитны. Грамоты имп. Максимилиана очевидно были забыты, такъ какъ теперь замѣчается опять новый рядъ угнетеній протестантами православныхъ.

Однако, эти угнетенія въ концѣ XVI-го вѣка заставляютъ Мукачевскаго епископа опять искать помощи у императора. Въ 1597-омъ году мы видимъ Мукачевскаго епископа Владислава въ Прагѣ, гдѣ въ то время находился Рудольфъ, лично просящимъ у императора покровительства и защиты отъ насилій протѣстантовъ. Но императоръ на его просьбу только то и сдѣлалъ, что выдалъ ему охранительную грамоту на обратный проѣздъ домой²⁾. Эта безуспѣшность поѣздки къ императору за-

---

potiretur. Munkacsianam ditionem cum Huszto et salinis fodinis, omnique Maramarusio statim restitueret. Regio nomine abstineret alios tamen, quos Caesar dare vellet, honorificos et illustres titulos usurparet. .».

1) Huber, «Geschichte Oesterreichs», Bd. IV, SS. 283 u. folg.—Fessler, «Gesch. v. Ung.», Bd. IV, SS. 4 u. folg.—Csuday, E., «Geschichte d. Ungarn», Bd. II. Reg. Rud.

2) Bazilovits, «Brevis notitia», p. I, pag. 38—40.

ставляетъ епископа Владислава еще въ томъ же году обратиться съ просьбой о защитѣ къ брату императора Рудольфа, Матѳію, въ то время правителю Угріи. Матѳій выдалъ епископу Владиславу грамоту, помѣченную 27-ымъ днемъ сентября 1597 г.¹⁾, въ которой, обращаясь ко всякаго рода высшимъ административнымъ должностнымъ лицамъ, просить ихъ не обижать вышеереченнаго епископа, поддерживать его во время канонической визитаціи приходоѡ и слѣдить за тѣмъ, чтобы пашомые его оказывали епископу должное уваженіе. Но эта грамота Матѳіа не произвела, очевидно, никакого впечатлѣнія на своенравныхъ господъ православной крѣпостной паштвы. По крайней мѣрѣ послѣ этого мы не только не замѣчаемъ никакихъ облегченій судьбы православныхъ, но притѣсненія надъ послѣдними еще болѣе усиливаются.

Вѣнскій миръ, заключенный императоромъ Рудольфомъ съ Бочкаемъ и сословіями, принесъ угрорусскимъ помѣщикамъ—протестантамъ свободу совѣсти, принесъ имъ и свободу еще большихъ насилій надъ православнымъ русскимъ народомъ, надъ его Церковью. Теперь дворяне Угорской Руси, которые были почти все калвинистами, получивъ вмѣстѣ съ религіозной свободой свободу гражданскую, чувствуютъ себя полными господами своихъ дѣйствій, чувствуютъ, что могутъ надъ беззащитнымъ православнымъ народомъ все продѣлывать, что заблагоразсудится имъ. Прежде ихъ хоть нѣсколько стѣсняли увѣщанія и приказанія императоровъ и правительственныхъ лицъ, но теперь и этого не было.—Въ первое время послѣ Вѣнскаго мира правительство какъ бы совершенно теряетъ свою власть надъ ними. Велѣдствіе этого затрудняются сношенія угрорусскаго епископа съ императоромъ. Вотъ почему въ первое тридцатилѣтіе XVII-го вѣка мы и не видимъ жалобъ Мукачевскихъ епископовъ императору. Въ то время они жалуются всеѣмъ, кто только могъ хоть какъ-нибудь облегчить ихъ долю, только не императорамъ и не членамъ императорскаго австрійскаго Двора.

Въ это время православную Мукачевскую каеодру занималъ епископъ Сергій. Епископъ Сергій былъ человекъ глубоко преданный православной Церкви. Онъ получилъ свое посвященіе во епископы Мукачев-

1) Ibidem, pars I, pag. 40—42.

скіе въ Кіевѣ и, быть можетъ, былъ въ сношеніяхъ съ православной Малороссіей¹⁾. Дѣйствовать сталъ въ Угорской Руси съ 1601-го года²⁾. Въ это время религіозныя отношенія Угорской Руси еще больше осложняются появленіемъ въ ея предѣлахъ католической и униатской пропаганды. Всю эту сложность и тяжесть религіозныхъ отношеній и пришлось вынести еп. Сергію. Но къ сожалѣнію мы имѣемъ очень мало источниковъ, которые могли бы намъ представить хоть въ главнѣйшихъ чертахъ дѣятельность Сергія въ это интересное время. Изъ данныхъ, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи, мы можемъ только заключить, что этотъ епископъ положительно не можетъ остаться долго на мѣстѣ, бросаясь во всѣ стороны за защитой отъ притѣсненій его протестантами. Такъ какъ сношенія съ Вѣной были теперь затруднены, то возможно было теперь искать епископу руки помощи только внутри страны. Поэтому Сергій рѣшилъ обратиться за таковой прямо къ самому Стефану Бочкаю, всемогущему въ то время въ Угріи.— Жалуясь на то, что по причинѣ усилившихся въ то время въ странѣ мятежей, епископскія его имѣнія пришли въ крайній упадокъ и подвергаются всякаго рода разореніямъ, еп. Сергій проситъ Бочкаю защитить его отъ случайностей времени, взять его подъ свое покровительство. Бочкай внимательно отнесся къ просьбѣ епископа, согласился покровительствовать ему и выдалъ защитительную грамоту, помѣченную датой 18-го декабря 1606-го года³⁾.

---

1) Lucskay, «Historia Carpatho-Ruthenorum». Tomus II, c. 59 «1603. 13: Octobris de fundo Ecclesiae Benedekoez fundationalis ita habet. Сей листъ попа Бенедекувскаго — occurrit mentio пупъ Игнатъ Рушанскій — et inseritur Колимъ ходилъ зъ Отпемъ Серпиемъ до Руси зъ Владыкою купилъ-емъ звукъ за 12 золот. primum vestigium fine consecrationis ad Russiam Kioviam eundi».

2) Bazilovits, «Brevis notitia», p. I, pag. 42—43. — Szirmay, «Notitia topogr. c. Z.» pag. 58.

3) Bazilovits, «Brevis notitia», p. I, pag. 46—47: «Stephanus Dei Gratia Hungariae Transylvaniaeque Princeps, et Siculorum Comes etc. Minden renden lévő Lovas, Gyalogh Vitézleő Hiveinknek, Capitaynoknak, Hadnagyoknak, Szazadosoknak, Tizedeseknek és ezek alatt lévő minden Rendeknek, adgyak értésekre. Hogy my megh tekéntevén Sergius Püspöknek, és hozza tartozó Munkácsi Clastromban lakozó Orosz Papoknak eleitől fogva a' sok külömb külömbféle Hadak miat való sok karvállásokat, vettühk Eöket Clastromkkal, Majorhazokkal, és minden hozza tartozó Marhajokkal egyetemben, az mi kíváltképen való oltalmunk, és Gondviselésünk ala. Hadgynk azért és parancsolyuk mindeneknek serio, hogy senki epnek

Отъ этой грамоты можно было бы ждать благопріятныхъ для епископа результатовъ, но ему не довелось ихъ видѣть. Спустя одиннадцатъ дней послѣ выдачи этой грамоты—29-го декабря 1606-го года Бочкай неожиданно умеръ¹⁾ и грамота, выданная имъ еп. Сергію, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ²⁾, должна была потерять свою силу.

Послѣ смерти Бочкай, одна могущественная фигура котораго производила большое вліяніе въ странѣ, въ Угріи начались всякаго рода неурядицы на почвѣ политической, религіозной и соціальной. Такъ, перѣдки были случаи, когда изъ низовъ общества стали образовываться всякаго рода шайки, которыя своими грабежами тревожили мирныхъ обывателей. Находились личности и среди дворянскаго класса, которыя любили потѣшиться своими набѣгами на сосѣдей и мирныхъ жителей. Если къ такимъ общимъ явленіямъ угорской жизни прибавить и религіозную нетерпимость дворянъ и всякихъ магнатскихъ официаловъ, то можно себѣ представить, какъ все это угорское «Irrthum» могло отражаться на угорскихъ православныхъ и прежде всего конечно на матеріальномъ благосостояніи Мукачевскаго епископа. Дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ 1607 г. епископъ Сергій жалуется Валентину Другету на разоренія въ его имѣніяхъ³⁾. Но Другеть на эту жалобу Сергія, очевидно, не обратилъ никакого вниманія, потому что послѣ этого мы видимъ Сергія жалующимся на разоренія Марамарошской жупѣ⁴⁾, но и тутъ ему не помогли. Тогда еп. Сергій, убѣдившись, вѣроятно, въ томъ, что не тутъ, не у протестантовъ, искать ему помощи покровительства и защиты, рѣ-

---

utánna, az felüb megh irt Sergius Püspök Clastromára hatalmasul 's akaratyá elen ne szallyon, Eötet az hozza tartozó papokkal egyetemben, se személyekben se egyéb akar mi nevel légyen nevezendő, marhajokban... meg ne haboricsa, se megh ne karosicsa mert valaki ez e mi parancsolatunk ellen cselekszik, ha az Orszagh végezise szerint való büntetés ésik rajta, senkire egyebre nevensen, ha nem az maga engedetlenségének tulajdonicsa. secus non facturi.... Datum in libera Civitate nostra Cassoviensi, 18. Decembris 1606. Stephanus m. p. (L. S.).

1) Fessler, «Geschichte von Ungarn», Bd. IV, S. 83.

2) Franciscus Kazy, «Historia Regni Hungariae», p. 62.

3) Дулишковичъ, «Истор. ч. У.-Р.», II, 80.

4) Ibidem, II, 80.

шаеѣ обратиться съ жалобой къ Молдавскому воеводѣ Симеону. Симеонъ принялъ близкое участіе въ судьбѣ Мукачевскаго епископа¹⁾, совершенно разореннаго безпрестанными грабежами. Онъ выдалъ Сергію грамоту, по которой онъ, какъ Мукачевскій православный епископъ, получалъ имѣнія Грушевскаго Свято-Михайловскаго монастыря²⁾. Вслѣдъ за этимъ, кажется, при содѣйствіи того же воеводы Симеона, еп. Сергій получаетъ отъ графа Сигизмунда Форгача (въ 1616 г.) согласіе на сборъ *Cathedraticum*'а³⁾. Однако ему не удалось оставаться долго въ спокойствіи. — Начались вскорѣ опять всякаго рода притѣсненія епископа. Преемникъ Симеона, воевода Михайлъ, тоже близко принявшій къ сердцу лишенія епископа, рѣшилъ, наконецъ, содѣйствовать переходу его въ Молдаво-Марамарошскую діецезію. Епископъ Сергій дѣйствительно вскорѣ покинулъ Мукачевскую кафедру и поселился въ Марамарошъ, избравъ своей резиденціей Грушевскій монастырь⁴⁾. Мы его видимъ тамъ еще въ 1633-мъ году⁵⁾.

Вѣнскій миръ далъ собственно религіозную свободу только тѣмъ, которые играли руководящую роль въ Бочкаевомъ возстаніи. Эту руководящую роль играли кальвинисты; въ руки кальвинистовъ правительство и передало эту свободу. Воспользовавшись ею, они постарались оставить ее только для себя. Они не только не поддерживали побиваемыхъ католиками лютеранъ, но и сами поборали ихъ тамъ, гдѣ у нихъ съ лютеранами велась и раньше борьба, какъ, напримѣръ, — въ Восточной Угорской Руси. Это приводило лютеранъ въ страшный упадокъ, такъ какъ имъ приходилось выдерживать борьбу не только противъ своихъ же евангеликовъ-кальвинистовъ, но и противъ давняго своего врага, католиковъ, которые только и мечтали теперь о томъ, какъ бы начать опять борьбу съ обоими противниками, — лютеранами и кальвинистами, и уничтожить религіозную свободу, возвѣщенную Вѣнскимъ миромъ.

1) Cziple Sandor, «A maramarosı püspekség kérdése», lap. 5.—Jorga, «Istoria Biserici Romanesti», p. 223—227.

2) Дулишковичъ, «Истор. ч. У.-Р.», II, 80.

3) Ibidem, II, 80.

4) Cziple Sandor, «A maramarosı püspekség kérdése», lap. 5.—Jorga, «Istoria Biser. Romanesti», p. 223—227.

5) Ibidem, тѣ же страницы.

Особенно чувствительный ударъ нанесенъ былъ лютеранамъ массовымъ переходомъ дворянъ въ кальвинизмъ, которые въ своихъ имѣніяхъ и большихъ магнатскихъ владѣніяхъ стали изгонять лютеранскихъ проповѣдниковъ и учителей, открывать кальвинистическія школы и строить кальвинистическія же церкви. Наконецъ, лютеране потеряли свою Потокскую богословскую школу, основанную Копачемъ, которая имѣла такое важное значеніе для нихъ и была лучшей лютеранской школой въ Угріи. Это произошло тогда, когда Потокъ съ женою Георгія I-го Ракоци на дочери Потокскаго владѣльца Михаила Лорандффи, Сусаннѣ, переходитъ (въ 1617-омъ году) къ послѣдней¹⁾. Сусанна Лорандффи была личностью энергичной и одаренной. Благодаря своему просвѣщенному вниманію къ только что получившей гражданскія права кальвинистической Церкви, она рѣшила преобразовать Потокскую лютеранскую школу Копача въ высшее кальвинистическое учебное заведеніе, которое получило названіе «Академіи»²⁾. Съ этихъ поръ Потокъ является центромъ кальвинистической въ Угорской Руси учености. Во главѣ этой Потокской протестантской Академіи стояла сама Сусанна, которая не только «*Reformatorum opera in publicam edi jussit lucem*»³⁾, но и прославила себя такими недурными литературными трудами, какъ— «*Móses es a' Proféták*», появившійся въ 1641-омъ году⁴⁾. Тамъ же, въ Потокской Академіи, въ продолженіи 4-хъ лѣтъ дѣйствовалъ, ведя успѣшную борьбу съ іезуитами, извѣстнѣйшій въ то время въ западной Европѣ кальвинистъ-педагогъ Коменіусъ⁵⁾.

Подобные успѣхи и завоеванія протестантовъ на счетъ лютеранъ могли бы довести послѣднихъ до крайняго упадка ихъ религіи, но въ то время они еще имѣли своихъ покровителей въ лицѣ такихъ могущественныхъ представителей угорскаго правительства, какимъ былъ въ то

1) Szirmay, A., «Notitia topographica, politica incl. comit. Zempl.», pag. 100 et 197.

2) Fessler, «Geschichte von Ungarn», Bd. IV, S. 275. — Szirmay, A., «Notitia topogr., polit. incl. c. Z.», pag. 61.

3) Szirmay, A., «Notitia topogr., polit. incl. Zempl.», pag. 61.

4) Ibidem, pag. 61.

5) Katona und Czinyei, «Geschichte der ungarischen Litteratur», S. 30.

время палатинъ Турзо. Палатинъ Турзо былъ самъ лютеранинъ. Видя что лютеранская церковь поборается какъ католиками, такъ и протестантами и опасаясь за цѣлость ея зданія, Турзо рѣшилъ дать ей прочную организацію. Для этого въ 1610-омъ году онъ созвалъ соборъ въ Зольнѣ, на который приглашены были дворяне-патроны и священники собственно угорскихъ десяти комитатовъ¹⁾. На этомъ соборѣ было постановлено, чтобы каждый комитатъ имѣлъ своего суперинтендента, который бы поставлялъ для своего комитата священниковъ, визитировалъ церкви, вѣдалъ разрѣшеніемъ супружескихъ дѣлъ и вообще слѣдилъ за порядкомъ и дисциплиной въ лютеранской Церкви ввѣреннаго ему района²⁾. Турзо самъ слѣдилъ на первыхъ порахъ за исполненіемъ постановленій Зольнскаго собора³⁾, самъ утверждалъ суперинтендентовъ, старался вмѣнить въ обязанность дворянамъ-лютеранамъ заботиться о лютеранской церкви.—Однимъ словомъ пытался сообщить угорской лютеранской Церкви то соборное начало, которое она стала терять.

На Западѣ Угорской Руси примѣру брата послѣдовалъ Христофъ Турзо, который опять теперь перешелъ въ лютеранство. 22-го января 1614-го года на соборъ въ Кирхдрауфъ⁴⁾ имъ были созваны дворяне и духовенство Шаришскаго и Спишскаго комитатовъ, надзупаномъ которыхъ онъ былъ, а также приглашены представители пяти вольныхъ верхнеугорскихъ городовъ, которые приняли почти въ цѣлости программу организаціи лютеранской Церкви, выработанную въ 1610 году на Зольнскомъ соборѣ. Суперинтендентомъ для Шаришскаго и Спишскаго комитатовъ былъ тогда избранъ Стефанъ Ксиландеръ⁵⁾, вольные же города избрали для себя суперинтендентомъ Левочскаго священника Петра Цаблера⁶⁾.

Пока, такимъ образомъ, лютеране собирали свои силы для борьбы съ католиками и протестантами,—а протестанты, пользуясь своей силой,

1) Fessler, «Geschichte v. Ungarn», Bd. IV, S. 148.

2) Ibidem, IV, S. 148.

3) Ibidem, IV, SS. 148—149.

4) Ibidem, IV, S. 149.

5) Ibidem, IV, 149.

6) Ibidem, IV, 149.

угнетали православныхъ и радовались религіознымъ пріобрѣтеніямъ своимъ на счетъ лютеранъ,—католичество высоко уже успѣло поднять свою голову. Католичество содержало въ себѣ теперь организованную силу іезуитовъ, которая пылала ревностью послужить римской Церкви въ дѣлѣ возвращенія еретиковъ въ ея лоно. Католичество очень внимательно слѣдило за каждымъ шагомъ своихъ противниковъ, великолѣпно знало всѣ слабыя ихъ стороны, чтобы съ успѣхомъ повести противъ нихъ войну. Инициатива этой борьбы католичества съ протестантами и лютеранами, а потомъ и съ православными, принадлежитъ іезуитамъ. Во главѣ послѣднихъ въ то время стоялъ Петръ Пазманъ, который своими талантами и образованностью очень сильно напоминаетъ своего просвѣщеннаго современника и брата по ордену, Петра Скаргу, дѣйствовавшего въ то время въ Лиговско-Польскомъ государствѣ.

Петръ Пазманъ¹⁾ принадлежалъ къ старой аристократической фамиліи. Родился онъ въ католической семьѣ въ 1570-омъ году въ Великомъ Варадинѣ. Тринадцати лѣтъ отъ роду перешелъ въ католичество. Сначала какъ питомецъ, а позже какъ членъ ордена іезуитовъ посѣщалъ іезуитскую школу въ Краковѣ, а потомъ такую же школу въ Вѣнѣ и Римѣ. Окончивъ свое школьное образованіе, профессорствовалъ въ Грацкомъ Университетѣ по кафедрѣ философіи и теологіи. Послѣ своего въ 1607-омъ году возвращенія на родину Пазманъ рѣшилъ весь отдаться дѣлу возвращенія реформатовъ въ лоно католической Церкви. Его личная проповѣдь, вліяніе въ высшемъ обществѣ и замѣчательный полемическій талантъ принесли сразу же дѣлу католицизма обильные плоды. Особенно громадное впечатлѣніе на все угорское общество производили его полемическія произведенія²⁾, одно изъ которыхъ нами было упомянуто въ началѣ статьи³⁾.

Еще до своего возведенія императоромъ Матіеємъ (1608 — 1619 гг.) въ санъ Эстергонскаго архіепископа, которое послѣдовало въ

1) Біографич. свѣдѣнія: Frankl, «Pázmány Péter és kora», I. — Huber, «Geschichte Oesterreichs», Bd. V, 138 u. folg.—Fessler, «Geschichte v. Ung.» Bd. IV, 150.—Katona und Czinyei, «Geschichte d. Ungarischen Literatur», S. 30.

2) Frankl, «Pázmány Péter es kora», I, lap. 162.

3) Ibidem, I, lap. 131.

1616 году¹⁾, Пазманъ побудилъ покинуть евангелизмъ около тридцати знатнѣйшихъ магнатескихъ фамилій²⁾, которыя послѣ своего перехода въ католичество, пользуясь въ широкихъ размѣрахъ старымъ правиломъ—*Suius regio—eius religio*, стали опять насаждать въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ католичество, закрывая евангелическія церкви, изгоняя евангелическихъ проповѣдниковъ и учителей. Напрасно старался извѣстный намъ противникъ католиковъ, палатинъ Турзо, воспрепятствовать возведенію Пазмана въ Эстергонскіе архіепископы³⁾.—Сторонники католической партіи старались успокоить старика палатина тѣмъ, что Пазманъ послѣ своего освобожденія отъ обѣта ордену, какъ архіепископъ и магнатъ, оставитъ теперь свои прежнія антиевангелическія дѣла⁴⁾; самъ Пазманъ лично общалъ это Турзо⁵⁾.—Турзо всему этому не вѣрилъ, употреблялъ послѣднія усилія, чтобы воспрепятствовать Пазману занять такой высокій постъ, но въ концѣ концовъ его осилили, и Пазманъ сталъ архіепископомъ. Турзо былъ правъ. Пазманъ, какъ Эстергонскій архіепископъ и примасъ Угріи, продолжалъ начатое дѣло еще съ большей ревностью и показалъ себя какъ непримиримый врагъ реформатской Церкви⁶⁾. Такъ, когда послѣ коронаціи императора Фердинанда II-го было устроено прелатами совѣщаніе⁶⁾, онъ сталъ уже тогда прямо настаивать на немедленномъ искорененіи и уничтоженіи еретичества, говоря, что «лучше Угріи быть населенной волками и лисицами, чѣмъ ими» (еретиками)⁷⁾. На это пробостъ Францъ Пэтэ изъ Ясо сказалъ ему слѣдующее: «Если начнутся преслѣдованія евангеликовъ, то дѣйствительно легко можетъ случиться, что наши (евангелическаго клира) жилища обратятся въ волчьи и лисьи берлоги»⁸⁾. Не смотря на это предостереженіе, нѣкоторые фанатическіе послѣдователи Пазмана стали осуществлять его желанія⁹⁾.—

1) Fessler, «Gesch. v. Ung.», Bd. IV, S. 120.—Kont, I., «Geschichte d. ungarisch. Litt.» SS. 31—32.

2) Fessler, «Geschichte von Ungarn», Bd. IV, S. 151.

3) Ibidem, Bd. IV, 151.

4) Ibid., Bd. IV, S. 151.

5) Ibid., Bd. IV, 151.

6) Frankl, «Pázmány Péter és kora», I, lap. 340 sqq.

7) Fessler, «Geschichte v. Ung.», Bd. IV, S. 151.

8) Ibidem, Bd. IV, 151.

9) Frankl, «Pázmány Péter és kora», I, lap. 348 sqq., 366 sqq., 627.

Особенно дѣятельными его послѣдователями въ Угорской Руси были — графъ Георгій Другетъ де-Гомонна¹⁾ и Мельхіоръ Алаги²⁾. Первый уже до того былъ извѣстенъ какъ ревностный католикъ; теперь же, — возвратившись послѣ коронаціоннаго совѣщанія домой, — онъ еще съ большимъ жаромъ принялся за искорененіе католичества: первымъ его дѣйствіемъ въ это время было — конфискація у евангелической общины въ Терребешѣ, Землинскаго комитата, ея недвижимой собственности³⁾, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ разнаго рода проскрипцій надъ евангелическими его подданными⁴⁾. Католическая же дѣятельность второго выразилась въ изгнаніи изъ его владѣній евангелическихъ проповѣдниковъ и учителей, закрытіи евангелическихъ церквей⁵⁾ (въ селѣ Пачинѣ, Земплинскаго комитата, и въ селѣ Карчи, того же комитата) и проч.

Католическая реакція особенно стала усиливаться со смертію государственнаго защитника реформаткой Церкви, палатина Турзо († 1616 г.). Тогда вліяніе протестантовъ и лютеранъ уже на столько уменьшилось, что на рейхстагѣ 1618-го года въ палатины Угрии былъ избранъ, перешедшій въ католичество, Симонъ Форгачъ⁶⁾, а предложеніе протестантовъ, что общины, перешедшія изъ католичества въ протестантство, удерживаютъ на основаніи права патроната свои церкви, провалилось⁷⁾. Послѣ этого въ католичество стало переходить еще больше магнатскихъ фамилій. Но если этотъ переходъ имѣлъ нѣкоторые широкіе размѣры въ собственной Угрии, въ Верхней Угрии, Угорской Руси, очень немногіе магнаты принимали католичество. Тамъ попрежнему среди дворянства господствовалъ протестантизмъ, а въ городахъ лютеранство и отчасти протестантизмъ и православіе. Однако и эти очень немногіе католическіе магнаты обладали настолько сильнымъ общественнымъ и политическимъ вліяніемъ, что рѣшили и въ Угорской Руси воскресить вымершее

---

1) Szirmay, «Notit. topog. c. Z.» et ejusdem, Not. hist. c. Z.» — биогр. свѣд. во многихъ мѣстахъ этихъ книгъ, см. indices.

2) Ibidem, vide indices.

3) Fessler, «Gesch. v. Ung.», Bd. IV, 151.

4) Ibid., IV, 151.

5) Ibidem, Bd. IV, 151.

6) Ibidem, Bd. IV, 151.

7) Ibidem, Bd. IV, 151.

католичество. Первые попытки возстановленія въ Угорской Руси католичества связаны съ именемъ извѣстнаго уже намъ графа Георгія Другета де-Гомонна. Графъ Георгій Другетъ де-Гомонна обладалъ большими владѣніями въ Угорской Руси, занималъ значительнѣйшую часть Земплинскаго комитата. Онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ въ Верхней Угріи и крупными связями въ правительственныхъ сферахъ, которыя доставляла ему католическая партія. Это давало ему возможность легко и свободно дѣйствовать въ дѣлѣ распространенія католичества въ Угорской Руси, какъ въ его владѣніяхъ, такъ и внѣ ихъ. Находясь, вѣроятно, подъ вліяніемъ іезуитовъ у него возникла мысль распространенія католичества не только среди лютеранъ и протестантовъ, но и среди православныхъ его владѣній. Ввести католичество среди православныхъ онъ, правдоподобно, находилъ возможнымъ только въ формѣ Уніи, чтобы такимъ образомъ избѣжать большихъ треній при перемѣнѣ вѣры. Форма же Уніи въ то время должна была быть извѣстна Другету, такъ какъ она уже тогда существовала по содѣйствію съ его владѣніями, въ Перемышльской епархіи. Для этой цѣли графомъ Г. Другетомъ въ 1612-омъ году былъ приглашенъ уніатскій Перемышльскій епископъ Аванасій Крупецкій¹⁾.

Вѣроятно, епископъ Крупецкій пришелъ въ Угорскую Русь съ широкими планами относительно распространенія тамъ Уніи. Нѣкоторые историки склонны допустить даже ту мысль, что онъ самого Мукачевскаго православнаго епископа Сергія пытался привлечь къ Уніи²⁾. — Какъ бы тамъ ни было, но епископъ Сергій не думалъ измѣнять Православію. Не смотря на возможность улучшенія матеріальной жизни съ переходомъ въ Унію (такъ какъ партія Пазмана входила тогда въ силу), епископъ Сергій не желалъ принять послѣдней³⁾, продолжая по преж-

---

1) Theiner, «Monumenta Poloniae» I. № 283, p. 357: «Nobilissimus Hungarorum Georgius de Humennagi, non ita pridem ex haeretico conversus et factus catholicus, pro suo egra fidem cath. zelo ac unionis promovendae studio populorum suorum, qui in eius comitatibus vivunt, ritus eiusdem graeci a me aliquoties literis contendit, ut eundem Crupecium ad confirmandos in unione suos subdites ablegarem: quod equidem ante aliquot dies iam praestiti».

2) Pelesch, «Geschichte der Union...» Bd. II, S. 123.

3) Ibidem, Bd. II, 123.

нему терпѣть всякія притѣсенія до тѣхъ поръ пока, наконецъ, ему удалось перейти въ Марамарош¹⁾, о чемъ говорилось выше. Видя эту преданность епископа Сергія Православію и встрѣчая, вѣроятно, прямое противодѣйствіе подобнымъ католическимъ своимъ замысламъ со стороны протестантовъ, въ исключительной сферѣ которыхъ находился тогда Мукачевъ и вся восточная Угорская Русь, Крупецкій принужденъ былъ ограничить свою дѣятельность только Земплинскимъ комитатомъ. Земплинскій комитатъ, какъ мы замѣтили, находился тогда почти въ исключительной сферѣ вліянія Георгія Другета, и тамъ Крупецкій могъ надѣяться на нѣкоторый успѣхъ своего дѣла и на полную поддержку со стороны могущественнаго владѣльца Гуменнаго.

Базисомъ своей религіозной дѣятельности здѣсь Аванасій Крупецкій сдѣлалъ Краснобродскій монастырь²⁾. Благодаря своей энергіи и поддержкѣ графа Георгія Другета, онъ успѣлъ въ этой мѣстности привести въ Унію нѣсколькихъ православныхъ монаховъ и священниковъ³⁾, которые согласились ее принять подъ условіемъ, что греко-православный обрядъ въ ихъ Церкви останется въ полной неприкосновенности и чистотѣ⁴⁾. Однако, не долго пришлось и здѣсь дѣйствовать этому владыкѣ. — Чрезмѣрная религіозная ревность его и не вполнѣ тактическое его поведеніе вызвали неудовольствіе среди угрорусскаго народа, которое чуть было не окончилось трагически для епископа. — Однажды въ оградѣ Краснобродскаго монастыря на него напала вооруженная толпа крестьянъ; Крупецкій поспѣшилъ скрыться въ церковную ризницу, но толпа стала проникать и туда; благодаря только случайно подоспѣвшему графу Валентину Другету, епископу удалось спасти свою жизнь⁵⁾. Послѣ этого

1) Iorga, Miklos, «Istoria Bisericii Romanesti», p. 223—227.

2) Кралицкій, А., «Краснобродскій монастырь», въ угрорусскомъ «Листкѣ», 1891 г., № 9. — Нашъ трудъ, «Обзоръ Угрорусской исторіографіи», въ «Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ», 1914 г., т. XIX, кн. 1-я, стр. 313—314.

3) Franciscus Kazy, «Historia Regni Hungariae» II, p. 114. — Pelesch, «Geschichte d. Union», II, S. 123.

4) Pelesch, «Geschichte d. Union», II, 123.

5) Franciscus Kazy, «Historia Regni Hungariae», II, pag. 114—115: «...Sacerdotes et monachi in praediis Homonnaianis conquisiti ac collecti, dicto Sacramento primas R-no Pontifici detulerunt; sacris tamen deinceps etiam ritibus Graecorum

случая мы не видимъ болѣе со стороны Крупецкаго попытокъ продолжать свою дѣятельность въ Мукачевской епархіи. — Эта дѣятельность епископа Аванасія была первой попыткой католиковъ ввести Унію въ Угорской Руси.

Почти одновременно съ приглашеніемъ Аванасія Крупецкаго были приглашены на Угорскую Русь тѣмъ же графомъ Георгіемъ Другетомъ іезуиты. Цѣлью ихъ дѣятельности въ то время во владѣніяхъ Г. Другета было, какъ видно, не только возвращеніе евангеликовъ въ католичество, но и распространеніе Уніи среди православныхъ. Андрей Бачинскій свидѣтельствуетъ, что даже «*Iesuitae magis solliciti de convertendis Ruthenis, quam reformatis dant ansam multis malis*»¹⁾. Но и они не могли начать въ это время въ Угорской Руси болѣе широкой дѣятельности и ограничивали свою католическую пропаганду только владѣніями Георгія Другета. Резиденціей имъ было сначала назначено Гуменное²⁾. Г. Другеть, идя въ руку съ ними въ дѣлѣ ихъ религіозной миссіи, для «удобства работы» надѣлилъ ихъ богатыми бенефиціями, давъ имъ въ пользованіе свои патрональныя имѣнія — Великій и Малый Кемечъ³⁾. — Но объ этой первой дѣятельности іезуитовъ въ Угорской Руси до насъ дошло мало свѣдѣній; очень можетъ быть, что такія событія времени, какъ возстаніе Бетлена, не дали ей развиваться. Извѣстно только, что ими на первыхъ же порахъ было обращено немалое вниманіе на школы, — такъ, ими была основана тогда гимназія въ Ужгородѣ⁴⁾, находящемся въ то время тоже во

---

operaturi... at postea ferociores nonnulli temere arreptis furcis, sudibus aliisque, quae furor ministravit armis in antistitem, sociosque sacerdotes impetu invaserant, saevumque vulnus Crupescio jam addiderunt. — Homonnaus ut multitudinem in fide et obedientia Pontificis contineret, frustra industriam fatigavit postea a factione Graecorum illecti a societate Romana se abjunxerunt, et suis ritibus pertinaciter adhaeserunt».

1) Дулишковичъ, «Историческія черты Угро-Русскихъ», кн. II, стр. 82.

2) Szirmay, «Notitia topogr. c. Z», pag. 357.

3) Szirmay, Not. topogr. c. Z., p. 360 — Eiusdem, «Notitia hist. c. Z.», p. 140 — 141: «A. 1612. Georgius Drugeth Comes fundator Patrum Societatis Jesu in hoc Comitatu esse voluit, eosque Homonnam ad gentilitium suum castrum anno subsequo 1613. reipsa introduxit, attributis pro subsistentia illorum ex divite suo patrimonio Nagy et Kis — Kemencse vocatis possessionibus ita: ut si ordo iste aut univerlaliter supprimeretur, aut Regno solum Ungariae excedere deberet, bona Patribus attributa ad scriptis suae haeredes, et posteritates redevolvantur».

4) Bel, M., «Compendium Hungariae Geographicum...» pag. 211.

владѣній Другета; правдоподобно, ими были основаны въ то время и другія школы въ разныхъ мѣстахъ владѣній Георгія Другета. — Вообще надо сказать, что іезуиты въ Угріи особенно большое вниманіе въ то время уделяли школъ. Элементарныхъ школъ у іезуитовъ было мало. Въ рѣдкихъ деревняхъ они ихъ имѣли¹⁾. Зато гимназіи были или совершенно подъ непосредственнымъ управленіемъ іезуитовъ, или принимали ихъ духъ и систему преподаванія съ ихъ добрыми и скверными качествами²⁾. Пазманъ былъ воодушевленъ желаніемъ способствовать образованію и наукѣ, а также дать своей Церкви всесторонне образованныхъ священниковъ и ревностныхъ исповѣдниковъ. Для этой цѣли имъ былъ основанъ въ Вѣнѣ священническій семинарій, существующій до сихъ поръ подъ названіемъ — «Пазманеумъ»³⁾; въ Тырнавѣ же онъ основалъ въ 1624-омъ году школу для дворянскаго юношества, а въ 1635-омъ году университетъ⁴⁾, въ которомъ впослѣдствіи нѣсколько вакансій предоставлено было и угорскимъ русскимъ.

У протестантовъ народное образованіе было поставлено лучше. Въ собственной Угріи не было деревни, гдѣ бы протестанты не имѣли школы⁵⁾. Зато гимназій они имѣли немного, потому что многія гимназіи, которыя были устроены дворянскими фамиліями и существовали на ихъ иждивеніи, послѣ перехода этихъ фамилій въ католичество, превратились въ гимназіи для католиковъ⁶⁾. Однако, и евангелики имѣли свои гимназіи. И эти гимназіи тамъ, гдѣ лютеране вмѣстѣ съ протестантами были особенно солидарны, какъ напр. въ Западной Угорской Руси, или гдѣ протестанты составляли сплошную массу, достигали высшаго своего расцвѣта. Въ то время особенно цвѣтущаго своего положенія достигли двѣ евангелическія гимназіи — въ Угорской Руси: въ городѣ Пряшевѣ и въ собственной Угріи: въ городѣ Дебреценѣ⁷⁾.

1) Fessler, «Geschichte v. Ung.» Bd. IV, S. 274.

2) Ibidem, Bd. IV, S. 274.

3) Ibidem, Bd. IV, 274—Kont, I., «Geschichte der ungar. Litt.», SS. 31—32.

4) Fessler, «Geschichte von Ungarn», Bd. IV, S. 274.

5) Ibid., Bd. IV, 274.

6) Ibid., Bd. IV, S. 274.

7) Ibidem, Bd. IV, 274.

Съ учрежденіемъ іезуитами высшихъ школъ евангелики (протестанты) стали основывать и себѣ высшія школы; — такая школа была основана Сусанной Лорандффи въ угрорусскомъ Потокѣ, о чемъ рѣчь была выше, въ собственной же Угріи: въ Штудльвейзенбургѣ, гдѣ Бетлепомъ въ университетъ была преобразована гимназія ¹⁾).

Силы евангеликовъ и католиковъ были теперь почти равныя: силы послѣднихъ начали было даже сначала побороть силы первыхъ, но этому помѣшало протестантское возстаніе Бетлена ²⁾, которое принудило правительство и католиковъ дать опять свободу протестантамъ. Въ концѣ же концовъ получилось то, что съ началомъ второй четверти XVII-го вѣка силы католиковъ и протестантовъ въ общемъ опять уравнились.

Петръ Пазманъ достигъ своего. — Онъ поднялъ католичество на небывалую въ Угріи высоту и проложилъ путь ему къ большимъ его побѣдамъ, которыя вскорѣ наступили съ приходомъ въ Угрію кардинала графа Леопольда Колонича.

Это измѣненіе отношеній протестантовъ къ католикамъ, конечно, повліяло на измѣненіе отношеній протестантовъ къ православнымъ Угорской Руси. — Теперь православные имѣли въ непосредственномъ соствѣ съ собою сторону, къ которой могли обратиться съ просьбой о защитѣ отъ притѣсненій протестантовъ; — этой стороной были перешедшіе въ католичество магнаты. Католическая партія и іезуиты, вѣроятно, старались въ тоже самое время очень дружелюбно относиться къ православнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, имъ выгодно было поддерживать все то, что дышало недружелюбіемъ къ протестанству, съ другой стороны, у нихъ имѣлась для православныхъ въ проэктѣ Унія, которую они могли мечтать провести тамъ при минимальныхъ треніяхъ. Подобное покровительственное отношеніе католиковъ къ православнымъ не могло нравиться протестантамъ и они еще съ большей ненавистью начинаютъ теперь относиться къ православнымъ, православному духовенству и епископу. — Насколько сурово было въ это время отношеніе

---

1) Ibidem, Bd. IV, S. 275.

2) Huber, «Geschichte Oesterreichs», Bd. V, SS. 137—153, Fessler, «Gesch. v. Ung.», Bd. IV, SS. 163 sqq.—Csuday, «Geschichte d. Ungarn», Bd. II.

протестантовъ къ православнымъ мы могли замѣтить отчасти уже выше изъ отношеній ихъ къ епископу Сергію, который не въ силахъ былъ вытерпѣть ихъ доуки и удалился въ Марамарошъ¹⁾. Такое же отношеніе къ православнымъ продолжалось и послѣ ухода Сергія. — Даже изъ дошедшихъ до насъ только четырехъ документовъ, относящихся къ исторіи Мукачевскаго епископата отъ 1616-го до 1633-го года, мы можемъ это заключить. — Изъ нихъ ясно видно, что условія жизни въ Угорской Руси для угрорусскаго епископа были такъ тяжелы, что Мукачевскіе епископы, очевидно, не выдерживали ихъ и часто смѣняя другъ друга, правдоподобно, покидали Угорскую Русь. — Такъ изъ грамоты отъ 18-го сентября 1618-го года²⁾ мы знаемъ, что въ то время епископствовалъ тамъ Евфимій; изъ грамоты же Гавріила Бетлена отъ 10 февраля 1623-го года³⁾ мы узнаемъ, что тамъ въ моментъ изданія этой грамоты былъ епископомъ уже Петроній; грамотой же отъ 12-го января 1627-го года⁴⁾ тотъ же Бетлень утверждаетъ новаго епископа, Іоанна Грегоровича; о томъ, что этотъ Грегоровичъ и въ 1630-омъ году былъ еще тамъ епископомъ знаемъ изъ грамоты Мельхіора Алаги, помѣченной 28-ымъ маемъ 1630-го года⁵⁾. Последняя грамота М. Алаги свидѣтельствуетъ намъ, что Мукачевскій епископъ на каноническую визитацію не могъ выѣхать безъ покровительственной грамоты; причемъ подобныя покровительственныя грамоты, какъ можно предполагать, могли выдаваться теперь, главнымъ образомъ, только такими магнатами католиками, какъ Мельхіоръ Алаги, въ интересахъ которыхъ было поддерживать православныхъ противъ своихъ и ихъ враговъ. Что Мукачевскій русскій епископъ былъ въ то время въ полной волѣ мадыарской аристократіи, намъ ясно говоритъ упоминаемая здѣсь нами грамота Бетлена отъ 10-го февраля 1623-го года, приказывающая епископу безпрекословное повиновеніе ему и его преемникамъ⁶⁾.

1) Iorga, M., «*Istoria Bisericii Romanesti*», p. 223—227.—Cziple Sándor, «*A maramarosí püspökség kérdése*», lap. 5.

2) Lurskay, «*Historia Carpatho-Ruthen.*» t. II.—Дулишковичъ, «*Историч. черты У.-Р.*», кн. II, стр. 82.

3) Bazilovits, «*Brevis not. Fund.*» pars I, pag. 47—49.

4) Ibidem, pars I, pag. 50—54.

5) Ibidem, p. I, pag. 54—56.

6) Ibidem, p. I, pag. 47—49.—Дулишковичъ, «*Ист. ч. У.-Р.*», кн. II, с. 82.

Однако, до сихъ поръ ни одному Мукачевскому епископу не приходилось еще столько претерпѣть отъ протестантовъ, какъ епископу Василию Тарасовичу, преемнику по кафедрѣ Іоанна Грегоровича. Объ историческихъ фактахъ, связанныхъ съ личностью и дѣятельностью этого епископа мы позволимъ себѣ здѣсь поговорить дольше, такъ какъ они интересны для насъ не только съ той стороны, что наиболее ярко рисуютъ намъ тогдашнія религіозныя отношенія въ Угорской Руси, но и въ значительной степени разъясняютъ намъ тѣ причины, которыя привели угрорусское духовенство и епископа къ мысли принять Унію съ римско-католической Церковью.

Епископъ Василиій Тарасовичъ былъ человѣкомъ по тогдашнимъ временамъ образованнымъ, владѣлъ латинскимъ и другими языками,—*«qui latinae, et aliarum itidem linguarum peritus»*—говоритъ универсалъ Ракоци¹⁾; дальше тотъ же универсалъ говоритъ, что онъ—*«Theologicis studiis imbutus»*²⁾; о немъ, какъ о замѣчательномъ теологѣ говоритъ и митрополитъ Левъ Кишка³⁾. Тарасовичъ, вѣроятно, былъ кандидатомъ Георгія Ракоци. Это замѣтно изъ грамотъ Ракоци отъ 16-го октября 1633 года и 5-го января 1634-го года, въ которыхъ ясно видно желаніе Ракоци закрѣпить за Тарасовичемъ Мукачевскую епископію;—въ этой первой грамотѣ Георгій Ракоци называетъ Тарасовича «электромъ»,—очевидно, послѣдній былъ избранъ духовенствомъ по предложенію и настоянію Ракоци. Это отношеніе столпа угорскаго протестантизма, Георгія Ракоци, къ Василию Тарасовичу сразу показывало, какія отношенія должны были въ будущемъ сложиться между могущественнымъ владѣльцемъ Мукачева и Мукачевскимъ епископомъ,—ясно было, что послѣдній долженъ былъ стать въ полную зависимость отъ перваго.

Вступивъ въ 1634-омъ году въ управленіе Мукачевской епархіей и предпринявъ въ слѣдующемъ году каноническую визитацію приходоѡ своей епархіи, онъ сразу, вѣроятно, могъ оріентироваться въ томъ положеніи, въ какомъ находилась его паства, и въ какое попалъ онъ

1) Bazilovits, «Brevis not.», pars I, pag. 60.

2) Ibid. p. I, pag. 60.

3) Петрушевичъ А., «Сводная лѣтопись», стр. 478.—Pelesch—«Geschichte der Union», Bd. II, S. 358.

самъ.—Какъ человѣкъ образованный, онъ понялъ, что его паства, закрѣпощенная экономически, была еще болѣе закрѣпощена духовно, конѣла въ ужасномъ невѣжествѣ. Онъ видѣлъ, что православная Церковь была лишена малѣйшей защиты со стороны протестантовъ, а къ вѣрѣ православной протестанты-помѣщики относились насмѣшливо и презрительно, какъ къ вѣрѣ своихъ рабовъ. Онъ понялъ и свое положеніе, положеніе пастыря той паствы, о которой «nullus curavit, nullus patrocinatus est causae Ruthenorum, utpote schismaticorum», потому что съ перваго же момента управленія епархіей могъ почувствовать, чего стоила ему протекція Ракоци, сдѣлавшая его епископомъ. Самый фактъ, что онъ сталъ епископомъ по милости Ракоци, дѣлалъ его лишеннымъ свободы дѣйствій. Онъ могъ дѣлать только то, на что могъ согласиться владѣлецъ Мукачева и что онъ приказывалъ ему дѣлать. Приэтомъ, съ совѣстью епископа и достоинствомъ его сана совершенно не считались. Если предшественники Тарасовича, какъ мы видѣли выше, не выносили этого унижительнаго положенія и, случалось, покидали свою кафедру и паству, то при Тарасовичѣ это положеніе еще болѣе ухудшилось: для Тарасовича обязаннаго Ракоци своимъ назначеніемъ во епископы, это положеніе могло граничить прямо съ *sui generis* рабской зависимостью отъ Ракоци.

Въ то время, когда въ концѣ XVI в. и началѣ XVII в. у православныхъ не было никакой помощи и никакого выхода, теперь—во 2-ой четверти XVII-го вѣка они могли имѣть помощь въ лицѣ могущественнаго реформированнаго католицизма и выходъ въ видѣ призванной къ жизни идеи соединенія Церквей. Унія уже нѣсколько десятилѣтій жила въ сосѣдней съ Угорской Русью Галиціей, дѣлала тамъ нѣкоторые успѣхи, дѣлала, вѣроятно, не разъ попытки перейти границы Угорской Руси, переходила ихъ (при А. Крупецкомъ) и вообще тѣмъ или другимъ способомъ знакомила съ собой угрорусское православное духовенство, крестьянство и малочисленное православное мѣщанство. Теперь-то возмужавшее католичество и могло дать православнымъ свою энергичную защиту отъ религіозныхъ притѣсненій протестантовъ, вѣроятно, и общало ее, но подъ непремѣннымъ условіемъ принятія ими Уніи.—Объ этомъ возможномъ протекторатѣ со стороны католической партіи не могъ

не знать Тарасовичъ, не могъ не думать о немъ, какъ не могъ не думать о самомъ выходѣ изъ того положенія, въ какомъ онъ и его епархія находились. Все это приводило его къ мысли объ Уніи, съ которой онъ при такихъ условіяхъ не могъ не познакомиться близко.—Какъ же было выйти епископу изъ того положенія, въ какомъ онъ находился?—Для него оставалось только два пути: или покинуть кафедру, или перейти въ Унію. Епископъ Василій рѣшилъ избрать послѣднее.

Помимо вѣшняго покровительства, какое давала бы Унія угрорусской Церкви, Тарасовичъ могъ надѣяться еще на то, что съ принятіемъ ея, духовенство его получить тогда права равныя правамъ католическаго духовенства. Полученіе же угрорусскимъ духовенствомъ подобныхъ правъ избавляло бы это духовенство отъ крѣпостной зависимости, освобождало бы отъ произвола и униженій со стороны пановъ и ихъ служащихъ, освобождало его отъ податей и разныхъ налоговъ и давало надежду на надѣлъ причта землей. Вслѣдъ же за улучшеніемъ матеріальнаго быта поднималось бы и нравственное благосостояніе паствы.—Картины подобнаго благосостоянія угрорусскаго духовенства подъ сѣнью Уніи, рисовали ему, вѣроятно, и іезуиты, съ которыми еп. Василій, безусловно, могъ быть знакомъ. О томъ, что Унія пользовалась въ другихъ мѣстахъ правами равными правамъ католичества Тарасовичъ, могъ знать изъ исторіи Уніи на Руси¹⁾ и изъ практики сосѣдней малорусской Церкви, гдѣ уніатское духовенство, особенно монашеское, начинало уже въ то время пріобрѣтать права близкія почти правамъ католическаго духовенства²⁾.

Все это вмѣстѣ взятое все больше могло утверждать епископа Тарасовича въ мысли принять Унію, тѣмъ болѣе, что послѣдняя имѣла большія данныя стать популярной, ибо оставляла народу самое главное и существенное: культуру его церкви. Да, Унія требовала принятія нѣкоторыхъ догматовъ Западной Церкви, но и то только догмата, касаю-

1) И. Бѣляевъ, «Разсказы изъ русской исторіи», кн. IV, стр. 267.

2) Дѣятельность въ этомъ направленіи митр. В.-У. Рутскаго, его заботы о поднятіи нравств. и матер. жизни уніат. духовенства: См.—Kojalowicz W., «Miscellanea rerum ad statum Ecclesiasticum in Lituania».—Kulczynski, «Specimen eccl. Ruth.» р. III.—Narasiewicz, «Annales...»—Pelesch, «Geschichte d. Union», II, 132, 142 etc.

шагося («*libioque*»¹⁾), догмата—«*visio beatifica*»²⁾ и догмата о первенствѣ римскаго Первосвященника³⁾; остальныхъ догматовъ православной Церкви она совершенно не касалась, оставляя ей въ полной чистотѣ даже такой догматъ, какъ—«*subutraque*»⁴⁾). Можно было опасаться епископу Василию, склонявшемуся окончательно къ принятію Уніи, что только такой догматъ, какъ приматъ римскаго Первосвященника, встрѣтитъ затрудненія, но и то только въ томъ случаѣ, если найдутся свѣдущіе агитаторы, которые искусственно сдѣлаютъ для народа непріемлемымъ этотъ принципъ. Епископъ Василій, какъ піонеръ первоначальной Уніи, не могъ не вѣрить въ дѣло Уніи⁵⁾ и глазами идеалиста смотрѣлъ на нее. Онъ не предполагалъ того, что Унія въпослѣдствіи можетъ принять и другое направленіе, которое можетъ *угрожать* самой культурной сущности родной Церкви.

Рѣшившись окончательно принять Унію, онъ сталъ искать способа реального осуществленія этого своего рѣшенія. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое не очень долгое время послѣ своего утвержденія въ должности Мукачевскаго епископа, вѣроятно, съ согласія части своего духовенства, Василій Тарасовичъ отправляется въ Ясо, гдѣ въ то время по причинѣ занятія турками Ягра находилась резиденція Ягерскихъ латинскихъ архіе-

1) Булла папы Бенедикта XIV-го: «*Allatae sunt*», 6-ой пунктъ,—въ «*Bullae et Brevia Summorum Pontificum nec non decreta Sacrarum Congregationum*», edita Anno 1767 и въ «*Annales Eccl. Ruth*» (р. 406 et. sqq.) Harasiewicz'a.

2) Ibidem, 6-ой пунктъ. Противное этому римскому догмату ученіе грековъ и армянъ осуждено на Флорентинскомъ соборѣ въ 1439 г., тоже подтверждено было и на Тридентскомъ соборѣ.

3) Ibidem, тотъ же пунктъ.

4) Булла папы Иннокентія IV-го къ Даниилу Романовичу (1247 г.) и та же булла папы Бенедикта XIV-го—«*Allatae sunt*».

5) Восточный, православный обрядъ уніатской Церкви находилъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ въ лицѣ такихъ могущественныхъ папъ, какими были Иннокентій III-й, Иннокентій IV-ый, Александръ IV-ый, Григорій X-ый, Николай III-й, Евгений IV-ый, Левъ X-ый, Климентъ VII-ой, Пій VI-ой, Климентъ VIII-ой, Бенедиктъ XIV-ый и др. Нѣкоторые папы, какъ напр. папа Левъ X-ый (Bulla «*Asserimus pure*»), съ особенной даже любовью относятся къ обряду Восточной Церкви и съ благороднымъ негодованіемъ протестуютъ противъ незаконныхъ вторженій латинскихъ прелатовъ въ распорядокъ Восточно-Уніатской Церкви.

епископовъ, и заводитъ переговоры о принятіи Уніи его діецезіей¹⁾.— Только вѣра въ дѣло Уніи могла заставить его покинуть Православіе и подвергнуть себя опасности гоненія за это со стороны соеого могущественнаго сюзерена князя Георгія Ракоци, который, конечно, ужъ не для того ставилъ Тарасовича во епископы, чтобы онъ явился первымъ пропагаторомъ Уніи въ его владѣніяхъ.

Очевидно, Ракоци имѣлъ доноскиковъ и среди приближеннаго Тарасовичу духовенства, такъ какъ лишь только Тарасовичъ отправился въ Ясо, какъ Ракоци узналъ куда и съ какой цѣлью отправился епископъ. Это страшно возмутило самолюбиваго магната. Какъ только Тарасовичъ успѣлъ вернуться обратно въ Мукачевъ, Ракоци черезъ коменданта своей Мукачевской крѣпости, капитана Іоанна Балинга, строжайше повелѣлъ епископу и не думать объ Уніи²⁾. Это рѣшительное заявленіе Ракоци возымѣло свое дѣйствіе.—Тарасовичъ понималъ, что онъ совершенно окруженъ былъ врагами, что враги были даже среди такихъ его приближенныхъ, которымъ онъ раскрылъ сокровенную свою мысль о желаніи принять Унію. Тарасовичъ понималъ, что имъ было слишкомъ поспѣшно и рано заявлено о своихъ симпатіяхъ Уніи. Онъ увидѣлъ, что для дѣла Уніи необходимо было еще приготовить почву. При этомъ имъ была признана необходимость дѣйствовать скрытнѣе и тактичнѣе, такъ какъ самая мелкая неосторожность съ его стороны или со стороны тѣхъ, которымъ онъ могъ вѣрить, можетъ повести къ крушенію всего дѣла. Епископъ Василій рѣшилъ смириться и, какъ выражается нашъ историческій источникъ, сталъ опять «disunit'омъ»³⁾.

Но это смиреніе Василя Тарасовича было больше наружное. Оставаясь внѣшне по-прежнему православнымъ, онъ тѣмъ временемъ, оче-

1) Bazilovits, «Brevis notitia Fund...», pars I, 65—67.

2) Дулишковичъ, «Истор. ч. У.-Р.», кн. II, стр. 87.—Небольшая статья неизвѣстнаго автора въ «Листкѣ», 1890 г. №№ 11—12-ый—Bazilovits, «Brevis notitia F.», p. I, pag. 65: «Georgius Rakoczy summo in eum (на Т—ча) ferebatur odio, utque eum clero, et populo a sacra recederet Unione miris illud modis per suum Arcis Capitaneum Ioannem Balingh in tantum urserat, ut pro disunito a Romana Ecclesia semet declaraverit...».

3) Szirmay, «Not. topogr. c. Z.», p. 59, Дулишковичъ, «Истор. ч. У.-Р.», кн. II, 87.

видно, не переставалъ продолжать своего дѣла Уніи, отыскивая всякаго рода средства для проведенія ея въ Угорской Русіи. Такъ, мы видимъ, что въ числѣ другихъ обвиненій ему вмѣнялось въ вину не только его сношенія съ Галичиной, куда онъ отсылалъ часть своихъ доходовъ съ Мукачевскаго монастыря¹⁾, но и то, что онъ принимаетъ у себя въ Мукачевѣ галицкое духовенство, въ Мукачевскомъ монастырѣ галицкихъ студентовъ (учениковъ галицкой духовной семинаріи)²⁾.—Что это могло быть такъ, въ этомъ едвали можно сомнѣваться. Тарасовичъ могъ стараться умышленно привлекать въ свою епархію галицкое униатское духовенство, которое подъ видомъ православнаго могло довольно успѣшно сѣять сѣмена новой вѣры. Особенно успѣшно, какъ агитаторы новой вѣры, могли быть использованы студенты. Въ обычаѣ студентовъ того времени было въ каникулярное время проживать въ монастыряхъ, гдѣ ихъ всегда охотно принимали, потому что они могли исполнять роль дьячковъ въ монастырскихъ церквахъ и окрестныхъ монастырямъ приходахъ и всякую другую работу вплоть до помощи по уборкѣ сѣна, хлѣба съ полей et cetera.—Такой элементъ успѣшнѣ всего могъ проникать въ народъ и къ сельскому духовенству и въ большей или меньшей степени проводить даже тамъ то, что ему могло быть поручено высшимъ его семи-

---

1) Lucskay, «Historia Carpatho-Ruthenorum», t. II (manuscriptum): Во второмъ пунктѣ подписанныхъ имъ условій говорится: «Quod proventus monasterii ad reponendum extra regnum non transferet, prouti hactenus quidquid corradere licuit in Poloniam (въ Галицію) transtulit; verum ad resaurationem monasterii diligenter conservabit ad quod fide et juramento obligatus sit; secus privetur officio simpliciter absque processu addito quod quantum ad proventus monasterii, sic in vino, sive in aliis, exillis honesta donaria suis benevolis, quidem largiri possit, ac repositum extra monasterium ad alia loca non transferatur...». Позволю себѣ при этомъ замѣтить, что какъ здѣсь, такъ и въ другихъ актахъ Угорской Руси отъ XVI и XVII вв. Галичина называется «Польшей», а Галичане—малороссы—«Поляками»;—это государственное и историческое названіе Галичины и Галичанъ сохранилось и до сихъ поръ въ угорорусскомъ народѣ. Въ то время Георгій Ракоци и тогдашніе угорорусскіе православные подъ словомъ «poloni» разумѣли и вообще галицкихъ униатовъ.

2) Ibidem, tomus II: «Quod tot sacerdotes et polonos (галицкихъ) studiosos non interteneat sed indigenas instruifaciat, aut duo, vel tres, si penes ipsum interteneantur docti viri, ii sufficiant; secus consumentur proventus monasterii, et hoc ex Ruthenis et Valachis nisi tunc si Hungaros reperire non posset, ita et quod servitores et ministros».

нарскимъ или епархіальнымъ начальствомъ. Такимъ элементомъ для пропаганды Уніи въ своей епархіи и могъ въ широкихъ размѣрахъ пользоваться Тарасовичъ.

Эти отношенія Мукачевскаго епископа къ галицкому духовенству и Галичинѣ не могли правиться князю Ракоци. Въ Галичинѣ въ то время стали проявлять особенно интенсивную дѣятельность іезуиты. Организация униатскаго монашества, надъ чѣмъ такъ усердно трудился митрополитъ Вельяминъ-Іосифъ Рутскій, находилась тогда на лучшей степеніи своего развитія¹⁾. Поэтому, протестантамъ Угорской Руси надо было каждую минуту опасаться пропаганды отсюда католичества и Уніи. Унія для протестантовъ была опасна въ томъ отношеніи, что распространяясь среди угрорусскихъ православныхъ, тѣмъ самымъ увеличивала силы ихъ враговъ, католиковъ. Такимъ образомъ, естественно, что Ракоци и протестанты должны были подозрительно относиться ко всякому имѣющему связи съ Галичиной. Тѣмъ болѣе они должны были подозрительно относиться къ Тарасовичу, который уже успѣлъ проявить свою слабость къ Уніи. За его дѣйствіями, очевидно, была установлена капитаномъ Балингомъ цѣлая система слѣжки и шпіонажа. А такъ какъ Тарасовичъ имѣлъ и много враговъ, то доносы на епископа, обвинявшіе его болѣе несправедливо, чѣмъ справедливо во всякаго рода проступкахъ могли развиваться до крайности²⁾. Среди этихъ враговъ епископа и недовольныхъ имъ прежде всего находились сами же монахи Свято-Николаевского Мукачевскаго монастыря, въ которомъ резидировалъ епископъ. — Они были недовольны на епископа за то, что тотъ доходы монастыря, которыми совмѣстно пользовались епископъ и монахи, вывозить въ Галицію (*extra regnum transferet*). Было недовольно на епископа и бѣлое духовенство, жаловавшееся, что епископъ опредѣляетъ большую таксацію

---

1) Kojalowicz Wijuk, «Miscellanea rerum ad statum Ecclesiasticum in Lithuania». — Kulczynski, «Specimen Ecclesiae Ruthenicae», pars III. — Harasiewicz, «Annales Ecclesiae Ruthenae», pag. 249 sqq. — Pelesch, «Gesch. d. Un.» II, 132—142.

2) Интересно то обстоятельство, что Ракоци, даже въ условіяхъ подписанныхъ Т—чемъ при выпущеніи его изъ тюрьмы (1642 г.), приказываетъ епископу не мстить людямъ, доносившимъ на него (Lucskay, «Historia Carp.-Rut.» t. II).

за посвященіе въ іереи¹⁾. Особенно часто, вѣроятно, во всякаго рода жалобахъ и доносахъ князю Ракоци на епископа, указывалось на приверженность его Уніи. Для обвиненія Тарасовича въ приверженности Уніи могло имѣться много данныхъ.—Дѣйствія епископа для пользы Уніи въ Угорской Руси не могли долго скрываться отъ зоркаго ока Ракоци и повѣреннаго въ его дѣлахъ капитана Балинга. Въ концѣ концовъ и самъ епископъ могъ не особенно крыться въ этомъ, зная, что реальная работа пропаганды среди народа не можетъ не выйти наружу. При этомъ, онъ могъ надѣяться, что, въ случаѣ особенно враждебнаго вступленія противъ него Ракоци, за него вступится католическая партія и императорскій Дворъ. Объ этихъ надеждахъ епископа на защиту Двора и католиковъ опять таки могъ знать Ракоци, что могло до крайности озлоблять послѣдняго.

Все это вмѣстѣ взятое привело къ окончательной развязкѣ Ракоци съ Тарасовичемъ.—13-го декабря 1640-го года Тарасовичъ былъ арестованъ²⁾. Приказъ арестовать епископа былъ данъ Балингомъ, для исполненія котораго былъ отправленъ отрядъ воиновъ подъ предводительствомъ «hadnagy'a» (лейтенанта) Миханла Юва въ Мукачевскій монастырь. Въ это время Тарасовичъ совершалъ богослуженіе. Воины ворвались въ церковь, прервали совершаемую епископомъ литургію, и въ святительскомъ облаченіи препроводили его въ Мукачевскій замокъ, гдѣ владыка Василій былъ заключенъ въ тюрьму³⁾. Этотъ арестъ епископа вызвалъ большую тревогу и возмущеніе въ угорскомъ католическомъ мірѣ. Виднѣйшіе члены католической партіи Угріи рѣшили протестовать противъ такого насильственнаго дѣйствія Балинга и во чтобы то ни стало освободить епископа изъ заключенія. Въ это дѣло вмѣшался и вѣнскій императорскій Дворъ. Особенно горячее участіе въ судьбѣ Василя принималъ самъ императоръ Фердинандъ III-ій, который одинъ изъ первыхъ вступился за оскорбленнаго епископа. Письмомъ отъ 23-го февраля 1641-го года, выданнымъ въ Регенсбургѣ, императоръ обратился

1) Это мѣсто цитируется ниже.

2) Bazilovits, «Brevis not. F.», pars I, pag. 66 sqq.—Szirmay, «Notit. topog. c. Z.», pag. 59.

3) Ibidem, тѣ же страницы.

къ Балингу съ просьбой объ освобожденіи епископа¹⁾, но на это письмо императора не было обращено Балингомъ ровно никакого вниманія. Тогда императоръ обращается съ такой же просьбой къ самому Ракоци²⁾, предпринимаетъ шаги къ освобожденію Тарасовича черезъ угорскаго палатина³⁾, посылаетъ, наконецъ, къ Ракоци экстреннаго посла Сигизмунда Эорши, которому приказываетъ употребить все стараніе къ освобожденію епископа⁴⁾,—но все это окончилось ничѣмъ: Ракоци упорствовалъ и не хотѣлъ и слышать объ освобожденіи Тарасовича. Одновременно съ протестомъ императора Фердинанда противъ насильственного шага Балинга протестовалъ Стефанъ Варро, архидіаконъ латинскаго Ягерскаго Капитула⁵⁾, Сабольчскій архидіаконъ Іоаннъ Мариничъ⁶⁾, епископъ Семиградскій Стефанъ Зиманди⁷⁾,—но все было напрасно. Балинга все это не только ничуть не тронуло, но, наоборотъ, онъ какъ бы въ насмѣшку надъ безсиліемъ главарей католической партіи вмѣсто арестованнаго епископа Тарасовича даетъ православнымъ другого епископа именемъ Порфирія Ардана⁸⁾. Этотъ фактъ своевольнаго назначенія Балингомъ епископа Ардана лишній разъ говоритъ намъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находились тогда православные Угорской Руси, коли судьбами ихъ Церкви могли распоряжаться не только сами магнаты, но и такіе ихъ официалы-дворяне, какъ Балингъ. О личности Порфирія Ардана, кромѣ того, что назначенъ онъ былъ въ Мукачевскіе епископы Балингомъ, что ему опредѣлено было получать отъ каждой церкви по два золотыхъ (*titulo Cathedraticei*) и что епископствовалъ онъ въ Угорской Руси отъ 1640-го до 1643-го года⁹⁾, наши источники ничего намъ не сообщаютъ.

Только въ 1642-омъ году (12-го апрѣля) императору Фердинанду,

1) Bazilovits, «Br. notit.» p. I, 66—67.

2) Ibidem, I, 67—68.

3) Ibidem, I, 68.

4) Ibidem, I, 68—71.

5) Ibidem, I, 71—73.

6) Ibidem, I, 73—76.

7) Ibidem, I, 76—77.

8) Дулишковичъ, «Истор. ч. У.-Р.», кн. II, стр. 82-я.

9) Ibidem, II, стр. 91-я.

наконецъ, удалось освободить изъ тюрьмы Тарасовича¹⁾. Все движимое и недвижимое его имущество, конфискованное при арестѣ, ему было теперь возвращено²⁾, и онъ ничего не предвидя, опять вернулся на жительство въ свою епископскую резиденцію, въ Мукачевскій монастырь³⁾. Но едва онъ появился тамъ, какъ Балингъ принялся опять за старое;— онъ не только не далъ никакой возможности Тарасовичу вести дѣла епархіи, но приказалъ ему совершенно покинуть Мукачевскій монастырь⁴⁾. И вотъ, говоритъ историкъ⁵⁾, для Тарасовича опять «redit calamitatum nova tempestas!» Эта «nova tempestas» открывается перепиской императора Фердинанда съ Ракоци, который опять вступается за несчастнаго гонимаго епископа, и проситъ Ракоци оставить Тарасовича на Мукачевской кафедрѣ и не препятствовать ему въ его управленіи Мукачевской епархіей⁶⁾. Но на этотъ разъ Ракоци былъ неумолимъ.— Тарасовичъ былъ изгнанъ изъ Мукачевскаго монастыря съ потерей значительной части своего имущества.

Гонимый, лишенный сана, имущества и крова, Василій Тарасовичъ положительно не зналъ бы, гдѣ ему приклонить свою голову, какъ жить, если бы о его существованіи не позаботился императоръ Фердинандъ. Императорской грамотой отъ 29-го апрѣля 1643-го года ему было опредѣлено ежегодное жалованье въ размѣрѣ двухсотъ рейнскихъ флориновъ, которыя онъ долженъ былъ получать изъ Спишской камеры⁷⁾; для жительства же ему назначенъ былъ городъ Кало въ Сабольческомъ комитатѣ⁸⁾. Потрясенный ударами судьбы, разбитый нравственно и физически Василій Тарасовичъ прожилъ послѣ этого не долго. Спустя пять лѣтъ послѣ своего изгнанія изъ Угорской Руси, затерян-

1) Bazilovits, «Br. notit.», p. I, pag. 78 sqq.

2) Pelesch, «Geschichte d. Union», Bd. II, S. 358.

3) Bazilovits, «Brevis notit.» p. I, pag. 78.

4) Ibidem, I, 78. — Дулишковичъ, «Истор. ч. У.-Р.», II, 91. — Pelesch, «Gesch. d. Un.» II, 358.

5) Bazilovits, «Br. not.» I, 78.

6) Ibidem, I, pag. 78 sqq.

7) Szirmay, «Notitia topogr. c. Z.» pag. 59, — Bazilovits, «Br. notitia», p. I, 66 et 80 sqq.

8) Ibidem, тѣ же страницы.

ный, покинутый и забытый всѣми, онъ умеръ въ Кало 13-го августа 1648-го года¹⁾.

Кромѣ тѣхъ добрыхъ предполагаемыхъ и дѣйствительныхъ чертъ въ Тарасовичѣ, которыя въ вышеизложенномъ попутно обрисовались нами, мы позволимъ себѣ указать и на нѣкоторыя отрицательныя черты его характера, служившія нѣкоторымъ препятствіемъ задуманному имъ дѣлу. Это, во-первыхъ, его стѣнательность по отношенію къ духовенству, которое и обижалось на него за то, что онъ полагаетъ большую таксацію за посвященіе въ іерейскій санъ²⁾, — во-вторыхъ, нетактичность его, невыдержанность, вслѣдствіе которой онъ преждевременно и неосторожно раскрылъ свои планы относительно Уніи, лично отправившись въ Ясо для переговоровъ. — Что касается стѣнательности епископа, то въ этомъ его нетрудно оправдать; — въ то время епископъ не только не получалъ опредѣленнаго жалованья, но очень часто лишался и полагающихся ему съ духовенства доходовъ, владѣніе же его принадлежащими епископії имѣніями въ то бурное время часто нарушалось, а иной разъ и самыя имѣнія отнимались у него.

Роль Тарасовича въ исторіи угрорусской Церкви состоитъ въ томъ, что онъ первый въ Угорской Руси положилъ основаніе Уніи, первый популяризовалъ ее въ своей епархіи. Если въ Земплинскомъ комитатѣ Унія была извѣстна по дѣятельности Крупецкаго, то въ другихъ комитатахъ Угорской Руси, особенно восточныхъ, она стала извѣстной среди духовенства и отчасти народа благодаря Тарасовичу. Средствомъ ея популяризаціи, какъ мы замѣтили, могли служить галицкіе священники, какъ видно въ обиліи принимаемые Тарасовичемъ въ Угорской Руси и студенты-теологи. Что эта уніатская дѣятельность сдѣлала большіе успѣхи въ Угорской Руси, видно изъ того, что сейчасъ же послѣ смерти Тарасовича угрорусскіе священники въ числѣ 63 во главѣ съ Пареемъ Ротошинскимъ, собравшись на соборъ въ Ужгородѣ, объявили себя

1) Pelesch, «Geschichte d. Union», II, S. 358.

2) Lucskay, «Historia Carpatho Ruthenorum», tomus II, — Дулишковичъ, «Историческія черты Угро-русскихъ», кн. II, стр. 93—94-ая: Ракоци обвиняетъ Тарасовича и въ томъ, «Quod vero ad reditus, de ordinatione debitos, utpote 12 fl. ac hospitalitatis jura attinet, in eo nulla habetur contrarietas».

уніатами¹⁾).—Вѣроятно, было тогда гораздо большее число священниковъ сочувствующихъ, но на первыхъ порахъ они не все рѣшились объявить себя уніатами. Несчастная судьба Тарасовича и шумъ, поднятый католиками въ связи съ его арестомъ, тоже служили извѣстнаго рода средствомъ популяризаціи Уніи среди народа,—обращали глаза крестьянства на то, что въ сферѣ его церковной жизни нѣчто творится. Очень можетъ быть, что и изъ народа нѣкоторые приняли тогда Унію.—Особенно этого возможно было ожидать со стороны отдѣльныхъ православныхъ мѣщанъ, которые, будучи тогда въ самомъ водоворотѣ религіозныхъ волненій, могли имѣть возможность познакомиться съ Уніей и воспринять ее.

Со смертью Василя Тарасовича Унія въ Угріи продолжала распространяться; но это распространеніе Уніи приняло въ то время другой характеръ, нежели при Тарасовичѣ, такъ какъ Унія, поддерживаемая сильной католической реакціей, переходитъ съ половины XVII-го вѣка отъ оборонительной позиціи къ наступательной. Однако, не смотря на видимые свои успѣхи, Унія и тогда долго не могла привлечь въ свое лоно болѣе широкихъ народныхъ, крестьянскихъ массъ. Болѣе глубокая пропаганда Уніи среди народа начинается только въ концѣ XVII-го столѣтія, когда за дѣло Уніи въ Угріи взялся, упоминаемый уже нами, знаменитый примасъ Угріи и кардиналъ графъ Леопольдъ Колоничъ, поставивъ для Угорской Руси епископомъ Іосифа де-Камеліса. Только съ приходомъ этого послѣдняго (въ 1689-омъ году) въ Угорской Руси начинается правильная организація Уніатской Церкви и повсемѣстное систематическое распространеніе Уніи.

---

1) Ужгородскую Унію, принятую 63-я священниками, историки относятъ къ разнымъ годамъ: въ большинствѣ случаевъ (Szirmay, «Notitia topogr. c. Z.», р. 59,—Дулишковичъ, «Истор. ч. У.-Р.» кн. II, стр. 95—и др.) ее относятъ къ 24 апрѣля 1649-му году, нѣкоторые историки (А. Л. Петровъ,—Пояснительная записка) относятъ къ 1652-му году, а нѣкоторые (Hodinka, «A. Munkácsi Görög—katolikus püspökség története») даже къ 1646-му году. — Относительно этой неодинаковости мнѣній нашихъ историковъ мы уже имѣли возможность высказаться въ нашемъ трудѣ—«Обзоръ Угро-русской исторіографіи», напечатанномъ въ «Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ», 1914 года. т. XIX, кн. 1-ая, стр. 326—328.

Если кинуть самый общій взгляд на исторію религіозныхъ отношеній въ XVI-омъ и первой половинѣ XVII-го вѣка въ Угорской Руси, то прежде всего бросится въ глаза то положеніе, что тѣмъ больше и ярче развивается протестантизмъ, тѣмъ ниже падаетъ Православіе. Странно видѣть, что движеніе, во главѣ котораго стояли такія свѣтлыя личности, какъ Девай, Коначъ, Меліусъ, Сусанна Лорандффи, Коменіусъ, Озорай, можетъ систематически побивать беззащитныхъ людей, унижать ихъ религіозное чувство,—уродетвомъ кажется то, что движеніе, создавшее такого изящнаго поэта, какъ Валентинъ Балашша, такихъ народныхъ баяновъ, какъ Тиноди и его товарищи, могло служить такимъ большимъ препятствіемъ культурному развитію цѣлаго народа!—Мадьярскій народъ устами своей пословицы можетъ объяснить это явленіе тѣмъ общимъ положеніемъ, что и — «Feher liliomnak is feketé árnyéka», — Бѣлая лилія имѣетъ и черныя тѣни.—Да, и прекрасная лилія имѣетъ темныя стороны.—И свѣтлое явленіе человѣческаго духа содержитъ въ себѣ уродливыя формы!—Темной стороною яркаго культурно-религіознаго движенія XVI-го и начала XVII-го вѣка въ Угріи является систематическое угнетеніе протестантами беззащитныхъ православныхъ. И причина этого, какъ старались показать мы выше, лежитъ въ томъ соціально-экономическомъ положеніи, въ которомъ находился православный русскій народъ Угріи, и въ томъ національно-классовомъ характерѣ, который въ Угорской Руси носила протестантская религія и мадьярско-протестантская культура.

Национально-классовая ненависть православныхъ Угорской Руси къ протестантамъ, вызванная презрительнымъ и глубоко-отрицательнымъ отношеніемъ послѣднихъ къ первымъ, — и враждебныя отношенія къ протестантамъ ихъ же собратьевъ лютеранъ, вызванныя безтактной нетерпимостью протестантовъ къ послѣднимъ,—были тѣмъ камнемъ, о который споткнулись протестанты. Увлеченные побиваніемъ православныхъ и лютеранъ, протестанты совершенно не замѣтили надвигающейся опасности со стороны оправившагося католицизма, который давно изучилъ ихъ слабыя стороны и зналъ уже какъ противъ нихъ дѣйствовать. Чтобы еще болѣе ослабить своихъ противниковъ, еще болѣе разбить ихъ на мелкія части, католицизмъ и теперь поспѣшилъ воспользоваться своимъ старымъ вѣр-

нымъ правиломъ: «divide et impera». Принимая во вниманіе религіозно-классовое раздѣленіе Угріи, онъ постарался очень ловко вбить клинъ въ самую среду господъ, — раздѣливъ ихъ на двѣ враждебныя части, — протестантскую и католическую, — въ среду крестьянъ, разбивъ ихъ на двѣ группы — православную и униатскую, и въ среду мѣщанъ, расколовъ ихъ на евангелическую, униатскую, римско-католическую и православную — части. Затѣмъ воспользовавшись слабостью взаимно-борющихся религіозныхъ осколковъ угорскаго общества, онъ сталъ ихъ побѣждать. Развитие этой торжествующей католической реакціи падаетъ, главнымъ образомъ, на вторую половину XVII-го вѣка и на XVIII-ый вѣкъ.

Евгеній Перфецкій.

Петроградъ, Ноябрь 1914 г.

Историко-литературныя и этнографическія замѣтки.

I.

Отрывокъ интерлюдіи.

Глубокомысленная и важная матерія «комидійныхъ дѣйствъ» стараго времени, ихъ тяжеловѣсный, осложненный различными риторическими фигурами діалогъ, общая громоздкая структура и продолжительность отдѣльныхъ дѣйствій—заставляли современныхъ режиссеровъ въ антракты развлекать и освѣжать утомленное вниманіе зрителей. Для этой цѣли, обыкновенно, служили интермедіи или интерлюдіи.

Но если до нашего времени вообще дошло, сравнительно, незначительное количество произведеній старинной драматической литературы, то еще менѣе среди нихъ сохранилось, особенно принимая во вниманіе взгляды нашихъ предковъ на легкій жанръ, краткихъ и веселыхъ, зачастую достаточно вольныхъ «междувброшенныхъ игрищъ». И тѣмъ болѣе цѣннымъ для историковъ литературы является каждый вновь открываемый текстъ интерлюдій.

Исходя изъ этихъ соображеній, въ дальнѣйшемъ я и привожу отрывокъ интерлюдіи, найденный мною на послѣднемъ листѣ одной изъ рукописей моего собранія.

